

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»

Л.М. МАКСИМОВА

**ОБЩЕСТВО:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Иваново 2007

УДК Ф 1
М 17

МАКСИМОВА Л.М. Общество: социально-философский анализ: Учеб.-метод. пособие / ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». – Иваново, 2007. – 180 с.

ISBN

Учебно-методическое пособие включает изложение основных разделов темы «Общество: социально-философский анализ» с методическими рекомендациями, основную и дополнительную литературу, темы рефератов, вопросы и тесты для самостоятельной работы и самоконтроля, схемы, краткий словарь философских терминов, учебную хрестоматию.

Раскрывается специфика социально-философского анализа общества, этапы развития социально-философской мысли, основные детерминанты общественного развития.

Организация самостоятельной работы студентов по изучению темы обеспечивается методическими указаниями, включающими списки основной и дополнительной литературы, контрольных вопросов и тестов, темы докладов и рефератов, учебные схемы и классические философские тексты.

Пособие предназначено для студентов, изучающих философию.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»

Научный редактор: д-р филос. наук, проф. М.В. Максимов

Рецензент:
кафедра философии ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»

ISBN

© Л.М. Максимова, 2007

Оглавление

Предисловие.....	4
1. Общество: социально-философский анализ.....	6
1.1. Общество как предмет социальной философии.....	6
1.2. Основные этапы развития социально-философской мысли.....	12
1.3. Природа общества и ее интерпретация в истории социально-философской мысли.....	27
2. Вопросы и тесты для самостоятельной работы и контроля.....	37
3. Список основной и дополнительной литературы.....	53
4. Тематика рефератов.....	61
5. Краткий словарь философских терминов.....	63
Приложение 1. Схемы.....	68
Приложение 2. Философские тексты.....	74

Предисловие

Данная работа представляет собой учебно-методическое пособие по изучению темы «Общество: социально-философский анализ», являющейся ключевой в курсе социальной философии.

Основная задача темы – раскрыть специфику социально-философского анализа общества, обозначить основные проблемы социальной философии, познакомить студентов с наиболее влиятельными течениями и школами социально-философской мысли, внесшими заметный вклад в осмысление проблем развития и функционирования общества.

Успешное решение этой задачи позволит студентам усвоить такие фундаментальные мировоззренческие проблемы, как структура и механизм функционирования общества в качестве целостной системы, взаимосвязь природы и общества, роль личности в истории, смысл и направленность исторического процесса. Понимание этих проблем является важным условием профессиональной подготовки современных специалистов.

Пособие включает в себя изложение основных разделов темы с методическими рекомендациями, основную и дополнительную литературу, вопросы и тесты для самостоятельной работы и самоконтроля, схемы, краткий словарь философских терминов, учебную хрестоматию.

В первой части учебно-методического пособия излагается учебный материал и даются методические рекомендации по изучению таких социально-философских проблем, как специфика социально-философского анализа общества, этапы развития социально-философской мысли, основные детерминанты общественного развития. Выявляются важнейшие концепции природы общества, раскрываются методологические основания социально-

философских теорий прошлого и настоящего. Значительное внимание уделяется осмыслению вклада представителей различных философских школ и направлений в развитие социальной теории. Представленная панорама исторического развития социально-философской мысли нацеливает студентов на понимание историко-философского процесса как диалога философских течений, школ и направлений, способствует формированию важнейших мировоззренческих и ценностных установок – открытости, толерантности, уважения к традициям, критического мышления.

Вторая часть учебно-методического пособия состоит из контрольных вопросов и тестов для организации самостоятельной творческой работы и самопроверки.

В третьей части указана основная и дополнительная учебная литература, которая может быть использована для самостоятельной работы, написания докладов и рефератов. Список тем творческих работ предложен в четвертом разделе учебного пособия.

В кратком словаре, составляющем пятую часть учебно-методического пособия, даны важнейшие понятия темы.

В прил. 1 даны схемы по основным разделам темы, отражающие логику изложения изучаемых проблем. Предложенные схемы позволяют активизировать мыслительную деятельность студентов, способствуют усвоению учебного материала.

Важным условием эффективной организации самостоятельной работы студентов является руководство чтением классических философских текстов. В предложенной в прил. 2 учебной хрестоматии собраны важнейшие философские тексты – фрагменты сочинений известных мыслителей, посвященные социально-философской проблематике. Они охватывают период от Античности до XX в. Тексты сопровождаются контрольными вопросами и заданиями.

ми, позволяющими организовать их целенаправленное восприятие и понимание.

Результатами усвоения данной темы должны стать знания основных положений социально-философского анализа общества, места социальной философии в системе социальных и гуманитарных наук.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов, изучающих курс «Философия».

1. ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

1.1. Общество как предмет социальной философии

Рассматривая структуру философского знания, мы отмечаем, что в ходе развития философии сложились различные отрасли философского знания. Одна из них – социальная философия. Ее предметом являются общество, его история и человек как субъект деятельности и социокультурных взаимодействий¹.

Из этого следует, что понятие «общество» является основополагающим для социальной философии. Вместе с тем оно широко используется как в обыденной речи, так и в различных социальных науках, включая историю, социологию, культурологию, археологию, экономические и юридические науки и т.д. Поэтому необходимо определить специфику философского понятия общества.

Обратимся к «Толковому словарю русского языка» С.М.Ожегова. В нем приводятся несколько значений понятия «общество»:

¹ Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – С. 132.

во-первых, общество – это круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов. Например, дворянское общество;

во-вторых, общество – это добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-либо цели. Например, спортивное общество, общество филателистов;

в-третьих, общество – как та или иная среда, компания. Например, попал в дурное общество;

в четвертых, общество – это узкий круг избранных людей. Например, высшее общество;

в-пятых, общество – это совместное пребывание с кем-то. Например, находиться в обществе старых друзей.

Наконец, общество – это совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности¹.

Остановимся на этом последнем значении понятия «общество». Оно также может рассматриваться в нескольких взаимосвязанных, но все же разных смыслах. Под обществом могут пониматься разные по своим масштабам социальные образования – социальные организмы. Это может быть *конкретно-историческое общество*, сложившееся на определенной территории, в определенный исторический период. Например, древнегреческое общество, современное российское общество. Это может быть также *региональное объединение* нескольких отдельных обществ, определенный социокультурный мир. Например, западноевропейское общество, мусульманский мир. Под этим же понятием можно рассматривать *человеческое общество как единое исторически развивающееся целое*.

Отвлекаясь от конкретных особенностей, присущих отдельным социальным организмам (время существования, социально-экономический строй, политический режим,

¹ Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.

формы правления и т.д.), мы можем выйти на более высокий уровень абстракции в понимании общества и рассматривать его как то объективно общее, что присуще всем без исключения социально-историческим организациям. В этом случае общество будет пониматься как обособившаяся от природы часть материального мира, как *внеприродный тип реальности – социальная реальность, «системное образование, представляющее собой исторически изменяющуюся форму жизнедеятельности людей, которая проявляется в функционировании и развитии социальных институтов, организаций, общностей и групп, отдельных индивидов»*¹.

Из всего вышеизложенного следует, что общество может быть рассмотрено как в узком, так и в широком смысле. (см. прил. 1, схема 1).

Таким образом, *задача социальной философии – анализ сущности и существования социальной реальности как формы существования бытия, как подсистемы целостного мира, обладающей целостностью, внутренней структурой, законами функционирования, направленностью развития.*

Философская стратегия изучения общества хорошо представлена в книге русского философа С.Л. Франка «Духовные основы общества. Введение в социальную философию». В этой работе С.Л. Франк ставит ряд теоретических вопросов, связанных с пониманием специфики социальной философии: «Что такое есть собственно общественная жизнь? Какова та общая ее природа, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и во времени... Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение и к чему собственно стремится человек и чего он может достичь, строя формы своего общественного бытия? И наконец, какое место занимает общественная жизнь че-

¹ Новейший философский словарь. – Минск, 2001. – С. 709.

ловека в мировом космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизни вообще»¹ (см. прил. 1, схемы 2, 3)

Решение этих проблем возможно лишь при тесной взаимосвязи социальной философии с онтологией и гносеологией, с концепциями развития, а также с антропологией и аксиологией. В целом социальную философию можно рассмотреть как обществоведческий срез философского знания.

Специализируясь на изучении природы и специфики *социального*, социальная философия является, по сути, *социальной онтологией*. Она выясняет субстанциональную основу общества и его динамику, т.е. развитие и взаимосвязь его элементов, закономерности социального процесса, соотношение революционного и эволюционного в переходные эпохи.

Важный структурный элемент социально-философского знания, представляющий собой срез гносеологии – *социальное познание* (социальная рефлексия), в поле зрения которого находится методология социального познания, в рамках которой разрабатываются принципы и методы анализа социальной реальности.

Неотъемлемой частью социального знания является социально-философская антропология, исследующая связи человека и общества, сущность и особенности бытия людей в обществе на всех этапах его развития.

Одновременно социальная философия выступает и специфической формой общественного сознания, то есть ценностным знанием. Используя различные социально-значимые оценки – истинного и ложного, справедливого и несправедливого, гуманного и негуманного и т.д., социаль-

¹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., – 1992. – С. 15.

ная философия выдвигает определенные идеалы, цели и задачи общественного развития.

Анализируя общественное бытие, создавая целостную картину общественной жизни, социальная философия активно взаимодействует и с другими социальными и гуманитарными науками. В своем развитии она опирается на вырабатываемые ими знания. (см. прил. 1, схема 4)

Следует отметить еще один источник, помогающий социальной философии исследовать общество. Таким источником является комплекс наук о природе – естественные науки: биология, физика, география, космология и др.

Тесная связь социальной философии с другими философскими разделами, социальными и естественными науками не исключает ее относительной самостоятельности, которая раскрывается в самостоятельной логике философского анализа общества, в категориальном аппарате, в методологии исследования.

Взаимодействуя с социальными и гуманитарными науками, социальная философия осуществляет интегрирующую и прогностическую функции, выступает в качестве мировоззренческого, теоретического и методологического основания этих наук.

Для иллюстрации этого положения, а также дальнейшего рассмотрения специфики социальной философии рассмотрим ее взаимосвязь с социологией и историей.

Социология – это наука, также изучающая общество (от латинского *societas* – общество и греческого – слово, учение). Она выделилась из философии и стала самостоятельной в середине XIX в. У истоков этой науки стоял французский философ-позитивист XIX в. – Огюст Конт (1798 – 1857). В работе «Курс позитивной философии» он отмечал: «Теперь, когда человеческий дух создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также физику органическую, растительную и животную,

ему остается только закончить систему наблюдательных наук созданием социальной физики»¹.

Рассматривая соотношение социальной философии и социологии, следует отметить, что они едины в своем стремлении изучить общество как интегральное целое. Однако предмет социологии в основном ограничен взаимодействием людей внутри целостного социального организма, используя для этого анкетные опросы, интервью, статистические данные и т.д. Это обстоятельство дает основание рассматривать социальную философию как верхний методологический и общетеоретический этаж социологии, за которым идут отраслевые социальные теории (социология образования, социология личности и т.д.). В качестве прикладного этажа выступают конкретные социологические исследования².

Однако и в рамках социологии разрабатывается множество концепций, которые по уровню обобщения, методам анализа можно отнести к социально-философским. Например, такие классики социологии, как О.Конт, М.Вебер, В.Парето и др., были одновременно и социальными философами.

Понимание специфики социальной философии будет неполным, если мы не рассмотрим ее соотношение с историей.

В целом задача исторической науки состоит в изучении последовательности событий и их фактологическом наполнении. Историческая наука – это наука о сделанном и свершившемся. Основа философского подхода к истории общественного развития – это поиск смысла и движущих сил исторического процесса, его человеческой обусловленности, вписанности человека в ход истории, столкновение в ней

¹ Конт О. Курс позитивной философии. – СПб., 1899. Т. 1. – С. 10–11.

² Крапивенский С.Э. Социальная философия. – Волгоград, 1995. – С. 16.

объективной необходимости и свободной деятельности людей.

В сфере философской мысли создаются схемы исторического процесса. Это направление философских исследований называют философией истории или историософией. Философию истории рассматривают и как составную часть социальной философии, и как самостоятельную дисциплину.

Итак, анализ предмета социальной философии можно завершить краткими выводами.

1. Социальная философия представляет собой систему социально-философских идей и теорий, направленную на выработку целостного взгляда на общество и место в нем человека.

2. Социальная философия изучает онтологические основания общественной жизни, т.е. исследует условия, при которых общество сохраняет свою целостность.

3. В рамках социальной философии осмысливается методология научного познания общественной жизни, обобщается опыт общественных наук.

4. В рамках социальной философии одной из важнейших является проблема отношения личности и общества.

Таким образом, социальная философия дает *систему социального знания*.

1.2. Основные этапы развития социально-философской мысли

Постижение общества как целостного явления продолжалось на протяжении всего развития философской мысли. База для философии общества и истории была заложена древнегреческими историками Геродотом (ок. 485 – 425 до н.э.), Фукидидом (ок. 460 – 400 до н.э.) и Полиби-

ем (ок. 200 – 120 до н.э.), а также древнегреческими философами ее классического периода – Платоном (ок. 427 – 347 до н.э.) и Аристотелем (ок. 384 – 322 до н.э.).

В развитии социально-философской мысли можно выделить три этапа:

I – до XIX в., когда происходило накопление социально-философских идей;

II – XIX в., когда складываются целостные теоретические концепции социальной философии;

III – XX в., когда происходит расщепление философского анализа общества по широкому фронту множества новых направлений и проблем¹.

Проследим основные этапы развития социально-философской мысли. (см. приложение 1, схема 5).

В античной философии особый интерес представляют социально-философские идеи Платона и Аристотеля. Круг социально-философских проблем в их философском наследии достаточно широк. Это вопросы возникновения общества, разделения труда, рабства, сословий, вопросы воспитания, размышления об основах экономики, обмена и т.д. Вместе с этим выделяются те узловые пункты, вокруг которых концентрируются все остальные идеи. Это – этика и учение о государстве. Причем именно государству уделяется основное внимание. Государство было отправной точкой анализа самых разных явлений общественной жизни.

Что же такое государство? На этот вопрос мы находим ответ у Платона и Аристотеля. В работе «Государство» Платон отмечает: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства»². Платоновское

¹ Барулин В.С. Социальная философия: В 2 ч. Ч. 1. – М., 1993. – С. 27.

² Платон. Государство // Платон. Собр. соч. В. 4 т. – М., 1994. Т.3. – С. 130.

учение о государстве – это проект идеального устройства общества. В нем должны найти воплощение основные добродетели государства: мудрость, мужество, рассудительность и справедливость. При этом Платон превыше всего ставит благо государства. От его состояния зависит благо всех граждан. (При изучении этого вопроса необходимо обратиться к изученному в первом семестре материалу по философии Платона.)

У Аристотеля: «государство представляет собой общество родов и семей ради достижения совершенного...существования...»¹. Рассматривая государство, Аристотель использует метод анализа, расчленения целого на части, и выделяет функциональные особенности каждой из них. Основными элементами общества в его учении являются человек, семья, селение, государство. Важно отметить, что Аристотель стремился найти естественные причины возникновения государства, обращаясь к исследованию природы человека и общества. Именно исходя из определения сущности человека как существа, стремящегося к совместному проживанию, Аристотель анализирует проблему происхождения государства, видит его истоки в отношениях между людьми. «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»². Первичной ячейкой социальной системы, возникающей на основе этих отношений, является семья. Отношения, складывающиеся между основными элементами семьи – мужем и женой, отцом и детьми, хозяином и рабом, Аристотель разделяет на отношения властвования и подчинения, проецируя их на все общество.

¹ Аристотель. Политика //Аристотель. Соч. В 4 т. - М., 1984. Т.4. – С. 462

² Там же. С. 378.

По мнению философа, «властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие – к властвованию»¹.

Краткий анализ социальных идей Платона и Аристотеля позволяет заключить, что уже в античной философии намечается системный подход к анализу общества, выясняются его сущность и причины возникновения. И Платон, и Аристотель исходят из приоритета целого над частью, т.е. государства над человеком. Важно отметить также, что для всей античной социальной мысли характерно отождествление общества и государства. И это вполне объяснимо. Государство выступало на поверхности общественной жизни, оно было воплощением целостности, связи всех частей общественного организма. Потому не случайно и исторический процесс рассматривался как круговорот различных форм политического устройства. Греческий историк II в до н.э. – Полибий в работе «Всемирная история» изобразил этот круг так: царская власть – тирания – аристократия – олигархия – демократия – охлократия.

Этот своеобразный политикоцентризм социальной мысли, зародившийся в античной философии, продолжил свое существование в последующие века.

Рубежными в этом отношении стали социально-философские концепции Томаса Гоббса (1588–1679) и Джона Локка (1632–1704). Оба философа исходили из признания существования переходного периода от природы к обществу, называемого ими «естественным состоянием».

В работе «Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббс показал, что до возникновения государства существовало естественное состояние общества, где была «война всех против

¹ Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. – С. 382.

всех», это и породило необходимость государства, «Левиафана» – земного бога людей¹.

На этой основе постепенно начинается более глубокое постижение сущности общества как целостного организма, определение его основных функциональных связей и зависимостей. Существенный вклад в социальную мысль этого периода был внесен целым рядом философов. Так, представитель французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо сосредоточил внимание на выяснении происхождения, сущности и путях преодоления социального неравенства.

Французский мыслитель-социолог К.А.Сен-Симон (1760–1825) первым обратил внимание на развитие промышленности, «индустрии» в обществе, форм собственности, классов. Он считал, что расцвет общества наступит благодаря развитию промышленности, сельского хозяйства, справедливого распределения на основе производительного труда.

Важная роль в понимании философских основ экономической жизни принадлежит английскому политэконому А.Смиту (1723–1790), разработавшему теорию трудовой стоимости. Это известно из курса «История экономических учений».

Таким образом, в ходе развития социально-философской мысли происходит расширение и углубление представлений об обществе.

Накопление социально-философских знаний происходит и в области осмысления исторического процесса. Постепенно в качестве самостоятельной выделяется особая предметная область социальной философии – философия истории.

Своеобразными вехами на этом пути было и первоначальное накопление исторических фактов в древности (Геродот, Фукидид), и вычленение самого феномена истори-

¹ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1991.

ческого времени в период средневековья (вспомним философию истории Аврелия Августина и его сочинение «О Граде Божьем»), и, наконец, разворачивание проблематики философии истории в сочинениях философов XVII–XVIII вв.

Термин «философия истории» был введен в научный оборот Ф.М.А. Вольтером (1694–1778) для обобщенного представления истории. Однако можно назвать множество мыслителей, которые выдвигают и аргументируют новые идеи, на базе которых выстраивается концепция философии истории Нового времени. Это – теория исторического круговорота итальянского философа и историка Джамбатисто Вико (1668–1744), согласно которой все народы развиваются по циклам, состоящим из трех эпох: «века богов», «века героев» и «века людей»¹. Развитие человеческого общества идет по спирали, оно закономерно, прогрессивно и бесконечно.

К числу новых можно отнести идею социального прогресса как смысла истории. Суть этого оптимистического утверждения состоит в том, что в процессе истории жизнь человечества меняется к лучшему. Этот взгляд развивали французские просветители XVIII в. Ж. Кондорсе и А. Тюрго, а также представитель немецкого Просвещения И. Гердер. Позднее – в XIX в. – О. Конт, Г.Гегель и К. Маркс.

В трудах этих мыслителей исторический процесс рассматривается как закономерное движение общества по единому, общему для всего человечества историческому пути.

Следует отметить, что не все мыслители разделяли идею социального прогресса. Ее острую критику дал Ж.-Ж.Руссо, обосновывая общественный идеал – социальное равенство – как естественное состояние человечества.

¹ Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – М., 1994.

Поэтому в его философии истории речь идет не о прогрессе человечества, а о его регрессе как следствии развития цивилизации – культуры, промышленности, социального неравенства¹. Тем самым Руссо первым обозначил проблему, ставшую особенно популярной в начале XX в., – проблему противоречия природы и цивилизации.

Так развивалась социально-философская мысль до XIX в. Главный итог этого процесса – формирование предпосылок становления качественно нового уровня развития социальной философии.

В XIX в. был сделан решающий шаг в ее предметном определении. Социальная проблематика была вычленена в самостоятельную область философского знания, со своим полем проблем, системой законов, понятийно-категориальным аппаратом. Это – заслуга, прежде всего, Г.Гегеля, К. Маркса, О.Конта Г. Спенсера. При всем отличии их философских построений единым был концептуальный подход к общественной жизни как к целостности. Учитывая их огромный вклад в развитие социальной философии, остановимся на каждом из них в отдельности.

Г.Гегель (1770–1831), как вы помните, был представителем немецкой классической философии. В философии Гегеля всемирная история человечества предстала как развертывание творческого духа – мирового разума. В работах «Феноменология духа», «Философия права», «Философия истории» он развернул поражающую по своей глубине, богатству идей философскую картину общества. По существу нет ни одной сколько-нибудь крупной социальной проблемы, которая не была бы осмыслена Гегелем. Структура общества в целом, труд, собственность, мораль, семья, гражданское общество, народ, социальные общности, система общественного управления, формы государственного

¹ Руссо Ж.-Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3 т. – М., 1961.

устройства, тончайшие переливы общественного и индивидуального сознания, духовность общества, всемирно-исторический процесс, его объективность, основные регионы и этапы мировой истории, наконец, реальный человеческий индивид в бесконечном множестве и сложности его связей с обществом, мировой историей и множеством других проблем нашли свое осмысление в социально-философской концепции Гегеля. Гегель был не только первым, кто предложил многоплановый анализ общества, бытия человека в обществе. Он впервые сумел оторваться от методологии политикоцентризма в рассмотрении общества, показал, что ступенями социального развития являются семья, гражданское общество и государство.

Эти проблемы в социальной философии Гегеля решаются в духе абсолютного рационализма и объективного идеализма. Иначе говоря, Гегель исходил из того, что разумное начало реализуется не только в индивидуальной человеческой деятельности, но и в действии объективных законов истории. Немецкий философ утверждает, что «единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно»¹. Объективная историческая закономерность реализуется, с точки зрения Гегеля, в мировом духе, который не поддается игре случая, а выступает определяющим началом исторического процесса.

Важный вклад в предметное определение социальной философии в XIX в. внесли французский философ и социолог О. Конт (1798–1857) и английский философ и социолог Г. Спенсер (1820–1903).

О. Конт первым использовал термин «организм» в применении к обществу для того, чтобы подчеркнуть, что

¹ Гегель Г. Соч. Т. 8. – С. 10.

общество – это целостное образование, социальный организм, особый субъект эволюции.

О. Конт рассматривал общество как социальную систему, сложный целостный организм, развивающийся по своим внутренним и естественным законам. Важнейшим из них является закон трех стадий интеллектуальной эволюции человечества. Согласно этому закону познавательная деятельность людей, их общественное сознание и вся человеческая история прошли три стадии своего развития. К этим стадиям он относит, во-первых, теологическую (до 1300 г.), когда все социальные явления рассматривались на основе религиозных представлений; во-вторых, метафизическую (1300–1800 гг.), когда разрушаются старые верования и общественные устои; в-третьих, позитивную, или научную (в XIX в.), когда возникают науки об обществе, формируется промышленно развитая система (см.: Конт О. Курс позитивной философии). Как мы уже отмечали, Конт полагал, что именно он и является создателем науки об обществе – социологии. В ней он выделяет два раздела – социальную статику и социальную динамику.

Задача социальной статики состоит в систематическом исследовании связей между элементами социальной системы, а также в изучении факторов, обеспечивающих социальный порядок и функционирование общества. Социальная динамика, с его точки зрения, должна изучать развитие и эволюцию общества.

Основной клеточкой социального организма Конт считал семью, так как именно она выполняет такие важнейшие функции, как социализация, сохранение культурного наследия и нравственное воспитание. Семья является также естественной основой политической организации. Из семьи вырастают такие общности, как племя и народ. Поэтому распад семьи Конт рассматривал как гибель общества.

Наряду с семьей основным условием существования социального организма является разделение труда, возникающее под влиянием естественных потребностей общества. На основе разделения труда формируется структура социальных групп и классов, создается связь между отдельными семьями, развиваются человеческие способности, солидарность и мораль. Решающим фактором устойчивости социальных связей, необходимого общественного согласия, взаимозависимости всех элементов социального организма, по Конту, является духовная сфера, в том числе религия и церковь.

Учение О. Конта о социальной статике, социальном порядке, связано с его представлениями об общественном прогрессе, выражающем идею социальной динамики. Конт мечтал об обществе, в котором социальный порядок не приводит к застою, а прогресс – к революционной анархии. «Порядок становится... неизменным условием прогресса, – утверждал он, – между тем как прогресс составляет беспрерывную цель порядка»¹.

Важнейшая заслуга О. Конта состоит в том, что он одним из первых реализовал в своем учении идею системности общества, высказанную задолго до него.

Существенный вклад в развитие социально-философской мысли внес Г. Спенсер. Он разработал целостную концепцию социальных институтов как структурных элементов общества. Герберт Спенсер в работах «Социальная статика» и «Основания социологии» развивал органический подход к обществу, проводя аналогию между биологическим организмом и обществом. Так, правительство в государстве уподоблялось им мозгу человека, который руководит жизнедеятельностью общества. Торговля в обществе сравнивалась с кровообращением в живом организме. Телефонные провода, несущие информацию, срав-

¹ См.: Антология мировой философии. Т. 3. – М., 1971. – С.576.

ниваются с нервной системой живого организма. Исходя из этого подхода он проанализировал роль составных частей общества, социальных институтов, показал их взаимосвязь, раскрыл движение общества как движение от простого к сложному, как общественную закономерность, как прогрессивное развитие общества по пути его усложнения и совершенствования деятельности социальных институтов.

Из контекста работ Спенсера следует, что социальные институты – это механизмы самоорганизации совместной жизни людей. Они обеспечивают превращение человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям, а также взаимодействие частей социального организма. Среди социальных институтов он рассматривал такие, как семья, брак, традиции, регулирующие повседневное поведение людей. Следующий тип институтов – политические. К ним он относит органы власти, армию, полицию, суд, право. Такой институт как церковь, с точки зрения Спенсера, обеспечивает интеграцию общества. Завершают типологию социальных институтов профессиональные промышленные институты, возникающие на основе разделения труда. Все институты, по его мнению, составляют единое целое, функционирование каждого из них зависит от всех других, от четкого разделения сфер влияния и ответственности. В противном случае начинается распад социального организма.

Таким образом, теория социальных институтов Спенсера также представляла попытку системного исследования общества. В этом и состоит его наиболее существенный вклад в развитие социально-философской мысли.

Важное место в развитии социальной философии принадлежит К. Марксу (1818-1883) и Ф. Энгельсу (1820–1895). Концептуальной основой социальной теории Маркса и Энгельса стала идея материалистического понимания истории и общества. Основные положения этой концепции

были изложены в работе «Немецкая идеология» (1845–1846), а позднее в предисловии «К критике политической экономии» (1859). Это был новый шаг в развитии социальной философии, поскольку все предшествующие социально-философские учения развивались на идеалистической основе. Для обоснования своей концепции Маркс разрабатывает такие категории, как общественное бытие, общественное сознание, базис и надстройка, способ производства, производственные отношения, общественно-экономическая формация и др. Философское обоснование социальной концепции Маркса и Энгельса будет рассмотрено в следующем вопросе. Теперь же обозначим ее основные проблемы и идеи.

Прежде всего отметим, что в марксистской социальной философии для объяснения общества был применен системный подход. Эту методологическую установку Маркс реализовал в концепции общественно-экономических формаций. Понятие общественно-экономической формации охватывает все стороны общественной жизни в их целостности и взаимодействии. Вместе с тем оно указывает на основу функционирования и развития общества. Этой основой является способ производства.

Маркс представил историю как закономерный процесс смены качественно различных этапов (вспомните их!). Каждый из этих этапов имеет свои специфические законы возникновения и функционирования. Таким образом, история предстала как совокупность революционных и эволюционных изменений.

Во второй половине XIX в. наряду с концепциями монолинейного прогресса (Ж. Кондорсе, И. Гердера, О. Конта, Г. Гегеля, К. Маркса) возникают концепции полилинейного развития человечества – так называемый цивилизационный подход. Это – концепции Г. Рюккерта (1823–1875) в Германии и Н.Я. Данилевского (1822–1885) в

России (вспомните его работу «Россия и Европа»). Их идеи в XX в. получили развитие в работах О. Шпенглера (1880–1936) («Закат Европы»), А. Тойнби (1889–1975) (русский перевод – «Постижение истории»). Согласно этому подходу в мире существовали и существуют автономные, независимые друг от друга локальные цивилизации, каждая из которых имеет свою собственную историю. Потому никакой единой истории человечества нет.

В XX веке социальная философия развивалась не столько в направлении концептуальных глубин, сколько пыталась глубже проникнуть в различные слои и состояния общества, общественного бытия человека, в постижение смысла истории. Примером может быть философия истории Б. Кроче (1866–1952), теория общественного круговорота О. Шпенглера (1880–1936) проблема свободы у Ж.-П. Сартра (1905–1980), разработка вопросов техники М. Хайдеггером (1889–1976), персоналистская концепция Н.А. Бердяева (1874–1948), К. Ясперса (1883–1968), Ж. Маритена (1882–1973).

Наиболее интересные концепции были разработаны в рамках основных течений философской мысли. Вспомним эти основные течения: неопозитивизм, постпозитивизм, экзистенциализм, религиозная философия, структурализм, марксизм, философия психоанализа, философия техники.

Определенный вклад в осмысление проблем социального познания внесло неокантианство и прежде всего Баденская школа (В. Виндельбанд (1848–1915), Г. Риккерт (1863–1936)). Они обосновали ценностный подход в понимании общественных явлений и общества в целом. По мнению Виндельбанда и Риккерта, ценности носят надысторический характер и образуют в своей совокупности идеальный независимый от людей трансцендентный мир. Эти надысторические абсолютные ценности находят свое

выражение в нравственных, политических, эстетических и религиозных идеалах, которыми руководствуются люди.

В современном социальном познании наиболее распространены являются такие научные методологии, как герменевтика, феноменология, структурализм, постмодернизм, философская антропология. В последнее время стал достаточно популярным постмодернизм, который отдает предпочтение жизни без истин, эталонов и идеалов, и отрицает причинные, смысловые связи, рассматривает все, что есть, как игру, случай, поток неопределенности. Наиболее известны работы Ж.Лиотара, Ж. Деррида, Ж.Делеза, Р.Рорти.

Значительный вклад в развитие социально-философской мысли внесли социологи XX в. – М.Вебер (1864–1926), В.Парето (1848–1923), Э.Дюркгейм (1858–1917), Т.Парсонс (1902–1979), П.Сорокин (1889–1968) и др. Кратко остановимся на их идеях.

Французский мыслитель Эмиль Дюркгейм – представитель позитивистской социальной философии, последователь О.Конта и Г.Спенсера. Он продолжил разработку проблемы общества как единого социального организма и обосновал идею общественной солидарности на основе разделения труда. Дюркгейм полагал, что общественное разделение труда, обмен продуктами деятельности между людьми интегрирует общество, обеспечивает единство социального организма.

Заметный вклад в развитие социальной философии внес немецкий мыслитель Макс Вебер. Он считал, что социальная философия, охарактеризованная им как теоретическая социология, должна изучать прежде всего поведение и деятельность людей, поэтому он создает теорию социального действия. Макс Вебер предложил и свое решение проблемы ценностей. Ценность он рассматривает как установку той или иной эпохи, подчеркивая земную, соци-

ально-историческую природу ценностей. Важнейшее место в его социальной философии занимает концепция идеальных типов. Под идеальным типом Вебер понимал некую идеальную модель того, что наиболее полезно человеку, объективно отвечает его интересам в данный момент и вообще в современную эпоху. В качестве идеальных типов могут выступать моральные, политические, религиозные и другие ценности, а также вытекающие из них установки поведения и деятельности людей, традиции. Идеальные типы Вебера характеризуют сущность оптимальных общественных состояний – состояний власти, межличностного общения, индивидуального и группового сознания, то есть выражают систему духовных и иных ценностей, которые выступают в качестве своеобразных ориентиров и критериев. Учение Вебера об идеальных типах является для его последователей методологической установкой познания общественной жизни.

Среди многочисленных интересных идей Вильфредо Парето следует отметить теорию элит. В рамках этой теории социальная неоднородность общества обусловлена психологическим неравенством людей. Сведение социальных явлений к биологическому началу характерно для австрийского ученого Зигмунда Фрейда (1856–1939). Карл Юнг (1875–1961) развивал учение о «коллективном бессознательном». Эрих Фромм (1900–1980), признавая роль бессознательного в поведении людей, обосновывает роль социальных факторов, материальной и духовной культуры.

Видное место в социальной философии занимает структурно-функциональный анализ, разработанный американскими социологами Талкоттом Парсонсом и Робертом Мертоном. Они анализируют общество с помощью таких понятий, как «система», «элементы», «структура», «функция», «равновесие», «стабильность», «гармония» и т.д. В рамках структурно-функционального анализа явле-

ний общественной жизни исследуются как факторы, способствующие равновесию и стабильности общества, так и те, которые мешают этому.

Большое распространение в социальной философии XX в. получили так называемые технократические теории. При всем различии они едины в том, что объявляют современную технику и технологию основополагающими причинами всех социальных изменений. К таким теориям относятся теории единого индустриального общества (Раймонд Арон), стадий роста (Уолт Ростоу), нового индустриального общества (Джон Кеннет Гэлбрейт), постиндустриального общества (Даниел Белл), сверхиндустриального общества (Зигмунд Бжезинский).

Итак, мы рассмотрели этапы и основные тенденции в развитии социальной философии. Более подробный анализ социально-философской мысли попытаемся сделать совместными усилиями на семинарских занятиях.

1.3. Природа общества и ее интерпретация в истории социально-философской мысли

Фундаментальным вопросом для любой социально-философской концепции является вопрос о ее *метафизических основаниях*. Иначе говоря, от признания философом в качестве первоначала духовного или материального – зависит характер и логика его социального учения, понимание *природы общества*. Этим определяется многообразие школ и направлений в социальной философии. Обратимся к схеме 6 (см.: прил. 1).

Остановимся на наиболее распространенных из них.

Прежде всего, это – *идеалистические концепции общественного развития*. Их онтологическим основанием являются различные духовные факторы – мировой разум, идея, божественное начало. Многие из таких концепций

вам хорошо известны. Так, например, истоком и основанием платоновского идеального государства является *идея* государства. Крупнейшие средневековые философы Аврелий Августин (354–430 гг.) и Фома Аквинский (1225–1274) считали, что определяющим началом общественного бытия является *бытие Бога*. Такую точку зрения можно встретить вплоть до нашего времени в трудах представителей религиозной философии.

Французские материалисты XVIII в. объясняли все социальные процессы из идей, из принципа «Мнения правят миром».

В философии Гегеля (1770–1831), базирующейся на принципе тождества мышления и бытия, социальная реальность и ее изменения детерминируются *Абсолютной идеей*, ее саморазвитием. История человечества – это шествие *мирового Разума*, возрастание степени *свободы* через реализацию исторической миссии отдельных народов. «Разум, - пишет Гегель, – есть субстанция, а именно – то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь...Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина...»¹.

Как мы уже отмечали, основоположник позитивизма Огюст Конт заявлял, что социальной детерминантой являются идеи, что «весь социальный механизм...основывается на убеждениях»².

Несколько иначе, но по сути также решают этот вопрос и такие философы, как Ж. Кондорсе, И. Гердер, А. Тойнби, П. Сорокин, представители неокантианства, современного позитивизма, экзистенциализма. Общим для них является наличие духовной основы общества и его развития. К этому списку можно отнести и концепцию немецкого философа-экзистенциалиста К. Ясперса (1883–

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – М., 1993. С 64.

² Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. – СПб., 1900. – С 21.

1969). По его мнению, важнейший рубеж, от которого от-
правляется история, – «осевое время», наполненное цен-
нейшими для человека идеалами. Это время охватывает
период между 800 и 200 г. до н.э., когда почти одновре-
менно действовали первые греческие философы, израиль-
ские пророки, основатели зороастризма в Иране, буддизма
и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае.
Новое, возникшее в эту эпоху, сводится, по К. Ясперсу, «к
тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и
свои границы... В эту эпоху были разработаны основные
категории, которыми мы мыслим по сей день...»¹. Чтобы
спасти человеческую сущность, мы должны, как считает
Ясперс, постоянно обновлять свою связь с осевым време-
нем. Человеческая история есть в первую очередь история
человеческого духа, а материальное воплощение ее, в том
числе техника, – следствие духовной истории.

Многие представители идеалистической философии
абсолютизировали роль выдающихся личностей в истории.
Так например Т. Карлейль (1795–1881) писал: «Всемирная
история... есть... история великих людей... Все сделанное в
этом мире представляет... практическую реализацию и во-
площение мыслей, принадлежащих великим людям»².

А вот испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (1883–
1955) полагал, что движение общества определяется соот-
ношением массы и меньшинства. То одни, то другие опре-
деляют характер общества. «Сегодня, – писал Ортега-и-
Гассет, – мы видим торжество гипердемократии, при кото-
рой масса действует непосредственно, вне всякого закона,

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 33.

² Карлейль Т. Герои, почитавшие героев, и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994. – С. 6.

и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы»¹.

Итак, в названных концепциях развития общества сущность его усматривается в комплексе тех или иных идей.

Материалистический подход к пониманию общества последовательно обосновывается в марксистской социальной философии. Согласно этому подходу следует исходить не из идей, а из материальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, – пишет К.Маркс, – не произвольны...Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»².

Основные положения концепции К.Маркса и Ф.Энгельса состоят в следующем:

1. Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу. Основой этих отношений является деятельность индивидов – материальное общественное производство, в процессе которого создаются материальные условия существования человека.

2. Материальная, производственно-экономическая деятельность людей определяет всякую другую их деятельность – политическую, духовную, социальную и т.д., а материальные экономические отношения людей, складывающиеся в процессе производства материальных благ, определяют духовные, идеологические отношения.

3. История общества есть прежде всего история материального производства. Из этого следует, что, во-первых,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 1997. – С. 47.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – С. 18.

необходимо изучать реальный процесс производства, чтобы понять порожденную им форму общения, то есть гражданское общество; во-вторых, не выдающиеся личности и их идеи, а народные массы – подлинные творцы истории.

В марксистской социальной философии для обозначения материального и духовного в обществе используются такие понятия, как «общественное бытие» и «общественное сознание». Общественное бытие – это материальная экономическая жизнь общества: материальные условия жизни общества и материальные отношения людей друг к другу и к природе.

Общественное сознание – это сложная система чувств, взглядов, идей, теорий, в которых отражается общественное бытие.

Основополагающую идею марксизма можно выразить так: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание»¹.

Сущность материалистического понимания истории К.Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» выразил следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»². Так, изучая

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к «Критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С.7.

² Там же. Т.13. С. 6–7.

социально-экономическую жизнь общества, К.Маркс пришел к открытию общесоциологического закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Открытое К.Марксом материалистическое понимание истории явилось принципиально новым способом понимания общества и закономерностей его развития. Оно до сих пор для многих философов играет роль парадигмы исследования общества. Не случайно Макс Вебер в одной из своих работ писал: «Честность сегодняшнего философа можно измерить тем, как оценивает он себя по отношению к...Марксу. Кто не признает, что не смог бы достичь важнейших результатов собственной работы без уже проделанного им, тот обманывает себя и других»¹.

В истории социально-философской мысли существует немало и других концепций общественного развития, которые выдвигают на передний план такие факторы развития социума, как климат, географическая среда, биологические и психологические особенности людей, а также уровень развития техники. К ним относятся *географический детерминизм, биологическое и психологическое направления, технологический детерминизм.*

Остановимся на этих концепциях.

Географический детерминизм отстаивает приоритетность географической среды среди всех других факторов развития общества. Следует отметить, что о влиянии географической среды на жизнь общества говорили уже античные мыслители. Так Геродот, Полибий, Страбон и др. уделяли большое внимание климатическим различиям разных регионов и считали наиболее благоприятными для жизнедеятельности людей Грецию и Средиземноморье. Однако как направление географический детерминизм возникает в начале XVIII в. Основателем и наиболее ярким

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1991. – С.554.

представителем этого направления является французский философ Ш. Монтескье (1689 – 1755).

В обширном сочинении «О духе законов»¹ он обстоятельно изложил свою концепцию, в соответствии с которой жизнь людей, их нравы, законы, обычаи и даже политическое устройство непосредственно проистекают из географических и климатических условий, в которых они живут. Оценки и выводы, сделанные Монтескье, получили дальнейшее развитие в веке XIX в. в трудах английского ученого Г.Т. Бокля, французского ученого Э. Реклю и русского географа и социолога Л. Мечникова².

Ярким представителем новейшей формы географического детерминизма является известный российский историк и географ Л.Н. Гумилев (1912–1992), автор пассионарной теории этногенеза, в основе которой лежат представления об этносе (народе) как биосферном феномене, теснейшим образом связанном с ландшафтом³.

Основателем *биологического подхода* к пониманию общества можно считать немецкого философа XVIII в. Иоганна Гердера⁴. Его идеи об организме как аналоге строения всех живых систем были развиты Гербертом Спенсером (об этом шла речь при рассмотрении второго вопроса).

Другой попыткой использовать этот подход к пониманию общества был социальный дарвинизм, для которого характерно применение эволюционной теории Дарвина к пониманию и объяснению исторического процесса. В качестве определяющих факторов общественной жизни рассматривались естественный отбор, борьба за существование и выживание. Социал-дарвинисты утверждали, что

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.

² Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – М., 1995.

³ Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М., 1993.

⁴ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

конкуренция, неравенство, суровые законы жизненной борьбы необходимы и полезны, так как они помогают выжить сильнейшему и улучшают человеческую природу.

Во второй половине XX в. эти идеи получили широкое распространение в рамках современной социобиологии. Представители этого направления заявляют о полном игнорировании социальных факторов развития и функционирования общества и рассматривают движущие силы поведения человека в его биологических потребностях и инстинктах. Основателем этого направления является американский естествоиспытатель Э.Уилсон.

Сведение социального к биологическому в объяснении общественных явлений, как мы уже отмечали, характерно и для теории австрийского ученого Зигмунда Фрейда и его последователей.

Психологическое направление представлено в работах американского социолога Лестера Уорда (1841–1913), французского мыслителя Габриэля Тарда (1843–1904) и итальянского социолога Вильфредо Парето (1848–1923). Суть этого направления состоит в том, что его представители пытаются раскрыть психологические причины деятельности и поведения людей и тем самым обосновать психологические механизмы развития общества. Так, согласно Л. Уорду¹ в качестве основных социальных сил, обеспечивающих развитие общества, выступают желания и воля. Г.Тард находил эти силы в индивидуальной и групповой психике людей, называя социологию «простой социальной психологией»². В. Парето видел источник социальной жизни в психологических импульсах, предрасположениях и склонностях. Оригинальной частью его социальной философии, как мы уже отмечали, является созданная им теория элит. По мнению В. Парето, социальная неоднород-

¹ Уорд Л. Очерки социологии. – М., 1901.

² Тард Г. Социальная логика. – СПб., 1901.

ность и социальное неравенство обусловлены психологическим неравенством людей, неравенством их способностей. Наиболее способные представители общества образуют его элиты в разных сферах общественной деятельности. Они добиваются возможностей руководить и управлять обществом. Менее способные члены элиты опускаются в нижние, неэлитные группы. Напротив, более талантливые поднимаются в элитные¹.

Технологический детерминизм возник в 20-х годах XX в., в работах американского ученого Т. Веблена. В качестве определяющего фактора общественной жизни у представителей этого направления является техника. В 40-х годах XX в. это направление становится распространенным. На техницистском мировоззрении основывалась общеисторическая концепция стадий экономического роста У. Ростоу, индустриального общества Р. Арона, которые стали источником целого ряда новых концепций постиндустриального общества Д. Белла, известного американского социолога О. Тоффлера и др.².

По мнению О. Тоффлера (р. в 1928), в общественном развитии взаимодействуют четыре сферы: техно -, социо -, инфо - и психосфера, но решающую роль в волнообразном потоке изменений играет первая из них. Поэтому источником и движущей силой нововведений в обществе выступают технологические революции. Первая технологическая революция аграрная. На смену ей на гребне второй волны приходит новая, индустриальная, цивилизация. Ее символом становится заводская труба. Третья гигантская волна вызвана нарастающим и повсеместным распространением компьютеров, лазерной техники, биотехнологии, генной инженерии, информатики, электроники, теле - и видео -

¹ Парето В. Чистая экономия. – Воронеж, 1912.

² Тоффлер О. Третья волна // США: экономика, политика, идеология. – 1982. – № 7 – 11.

коммуникаций, составляющих базовые отрасли постиндустриального производства, где главными являются информация, творчество и интеллектуальные технологии.

Таким образом, завершая обзор социально-философских концепций, можно отметить множество факторов, обуславливающих изменения общества. Действительно, природа, климат, почва, численность населения, духовная культура и ценности, уровень развития производительных сил, характер общественных отношений и т.д. на разных этапах общественного развития оказывают влияние на этот процесс. Такая точка зрения существует. Она представлена в теории равноправных факторов исторического процесса М.Вебера и Р.Арона.

Однако следует отметить, что основной действующей силой общественного развития является человек, его трудовая деятельность. Субстанция социума и начало человеческого – деятельность, обмен деятельностью. Осваивая мир, очеловечивая природу, человек создает социальную реальность.

Таким образом, общество есть реальный процесс жизнедеятельности людей, который непрерывно создает и воссоздает себя.

2. ВОПРОСЫ И ТЕСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И КОНТРОЛЯ

Вопросы для самоконтроля

1. Сформулируйте определение общества в широком и узком смысле.
2. Назовите основные проблемы социальной философии.
3. Охарактеризуйте место социальной философии в системе общественных наук.
4. Как связаны между собой социальная философия и история, социальная философия и социология?
5. Какие признаки характеризуют общество как систему?
6. Как влияют природные условия на возникновение и развитие общества?
7. Какова роль идей в общественном развитии?
8. Назовите основные этапы развития социально-философской мысли.
9. В чем состоит специфика понимания общества в античной философии?
10. Каково значение социально-философских идей Т. Гоббса и Дж. Локка?
11. Назовите имена мыслителей XVIII – XIX вв., сформулировавших идею исторического прогресса.
12. Что такое прогресс в истории? Каковы его критерии?
13. Какие мировоззренческие ориентации отражены в идее исторического прогресса?
14. Являются ли цивилизационная и формационная концепции альтернативными? Возможно ли иное толкование?
15. Какие социально-философские концепции разрабатывались русскими мыслителями XIX – XX вв.?
16. Назовите понятия, раскрывающие теорию общественно-экономических формаций?

17. Назовите имена мыслителей, понимавших исторический прогресс как циклический?
18. Назовите представителей популярной в 60-х годах XX в. теории индустриального общества.
19. Назовите имена представителей теории постиндустриального общества.
20. Возможна ли единая наука об обществе?

Тестовая форма самоконтроля

ЗАДАНИЕ 1. Определите, какое из определений соответствует социально-философскому аспекту изучения общества.

Варианты ответов:

- а) народ;
- б) обособившаяся от природы часть материального мира;
- в) исторический этап развития общества;
- г) социальная реальность.

ЗАДАНИЕ 2. У социальной философии и социологии очень широкая область совпадения объекта изучения. Определите, какие из указанных характеристик относятся к социальной философии.

Варианты ответов:

- а) предметом изучения являются социальные факты;
- б) наука о социальном поведении, которое она стремится понять и исследовать;
- в) осмысление качественного своеобразия общества и его отличия от природы;
- г) изучение специфических социальных законов и закономерностей развития и функционирования определенных социальных систем, механизмов действия и проявления этих законов и закономерностей в деятельности людей, социальных общностей, классов, народов;

- д) исследование общественной жизни под углом зрения решения мировоззренческих проблем, центральное место среди которых занимают смысло-жизненные проблемы;
- е) решение общественных проблем на основе научных методов познания действительности, на основе методов эмпирической науки

ЗАДАНИЕ 3. Укажите, кто и когда в европейской философии поставил проблему специфики исторического (гуманитарного, социально-философского) познания.

Варианты ответов:

- а) В.Виндельбанд и Г.Риккерт в конце XIX – начале XX в.
- б) И.Кант в конце XVIII в.
- в) Ф.Бэкон в XVII в.

ЗАДАНИЕ 4. Назовите основные проблемы социальной философии.

Варианты ответов:

- а) общество как целостная социальная система;
- б) онтологические основания общественной жизни;
- в) закономерности исторического процесса;
- г) методология социального познания;
- д) личность и общество;
- е) деятельность социальных институтов.

ЗАДАНИЕ 5. Выделите способ постижения социальной, человеческой реальности, о котором говорит русский философ XX в. М.М.Бахтин: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении ... При объяснении только одно сознание, при понимании – два сознания, два субъекта».

Варианты ответов:

- а) мистическое откровение;
- б) интуитивное проникновение;
- в) понимание.

ЗАДАНИЕ 6. Укажите фундаментальные характеристики общества как системы.

Варианты ответов:

- а) саморазвивающаяся система;
- б) система индивидов;
- в) самоорганизующаяся система;
- г) закрытая система;
- д) самодостаточная система.

ЗАДАНИЕ 7. Из приведённого списка выделите основные факторы социальной динамики.

Варианты ответов:

- а) характер религиозных воззрений;
- б) географическая среда;
- в) характер экономического развития;
- г) демографический фактор;
- д) циклы космических событий;
- е) национальная культура и менталитет людей.

ЗАДАНИЕ 8. Назовите основные компоненты общественной жизни.

Варианты ответов:

- а) общественные отношения;
- б) индивиды;
- в) различные виды деятельности;
- г) общественное сознание;
- д) общественное бытие.

ЗАДАНИЕ 9. Выделите наиболее точную характеристику социальных отношений.

Варианты ответов:

- а) отношения между людьми, складывающиеся в процессе общения;
- б) взаимоотношения людей по отношению к собственности;
- в) связи, устанавливающиеся между социальными группами и внутри них.

ЗАДАНИЕ 10. Назовите основные типы социальной деятельности людей.

Варианты ответов:

- а) духовная;
- б) иррациональная;
- в) регулятивная;
- г) материальная;
- д) осознанная;
- е) обслуживающая.

ЗАДАНИЕ 11. Укажите мыслителей, считавших разнообразие социальной деятельности людей основой целостности общества.

Варианты ответов:

- а) И. Кант;
- б) О. Конт;
- в) Л. Фейербах;
- г) К. Маркс;
- д) М. Вебер.

ЗАДАНИЕ 12. Как называется часть природы (растительный и животный мир, вода, почва, атмосфера земли), вовлечённая в сферу общественной жизни?

Варианты ответов:

- а) географическая среда;
- б) природа;
- б) биосфера.

ЗАДАНИЕ 13. Назовите основные сферы общественной жизни.

Варианты ответов:

- а) экономическая;
- б) политическая;
- в) социальная;
- г) духовная;
- д) культурная;
- е) производственная;
- ж) семейно-бытовая.

ЗАДАНИЕ 14. Из приведенного перечня выделите основу жизни общества в понимании марксизма.

Варианты ответов:

- а) семейный быт;
- б) общественное материальное производство;
- в) сфера торговли;
- г) природное окружение.

ЗАДАНИЕ 15. Назовите основные составляющие экономической сферы.

Варианты ответов:

- а) производство;
- б) потребление;
- в) обмен;
- г) распределение;

ЗАДАНИЕ 16. Назовите основные элементы социальной структуры.

Варианты ответов:

- а) классы;

- б) страты;
- в) род;
- г) племя;
- д) народ;
- е) нация;
- ж) социально-демографические группы.

ЗАДАНИЕ 17. Расположите этносоциальные группы (нации, родоплеменные объединения, народности) в порядке их появления в ходе исторического развития общества.

Варианты ответов:

- а) нации, родоплеменные объединения, народности;
- б) родоплеменные объединения, народности, нации;
- в) родоплеменные объединения, нации, народности;

ЗАДАНИЕ 18. Установите, правильно ли дано определение нации «Нация – это социальная общность людей, объединенных единым происхождением, культурой, языком, и психологическим складом, образом жизни, территорией».

Варианты ответов:

- а) да;
- б) нет.

ЗАДАНИЕ 19. Назовите мыслителя XIX в., выделившего социально – экономический класс в качестве главного элемента социальной структуры общества.

Варианты ответов:

- а) К. Маркс;
- б) Л. Фейербах;
- в) М. Бакунин.

ЗАДАНИЕ 20. Среди приведенного перечня обозначьте критерий выделения высшего, среднего, низшего классов в западной социологии XX в.

Варианты ответов:

- а) отношение к собственности;
- б) размер доходов;
- в) социальный престиж.

ЗАДАНИЕ 21. Назовите основные элементы политической сферы.

Варианты ответов:

- а) государство;
- б) политические партии;
- в) общественные организации;
- г) пролетариат;
- д) буржуазия.

ЗАДАНИЕ 22. Выберите верное определение общественного сознания.

Варианты ответов:

- а) общественное сознание есть осознание того, что развитие общества зависит от личности главы государства;
- б) общественное сознание есть осознание необходимости рационального отношения к воспитанию будущих поколений и к самому человеку;
- в) общественное сознание есть осознание обществом самого себя, своего общественного бытия и окружающей действительности.

ЗАДАНИЕ 23. Выделите уровни общественного сознания.

Варианты ответов:

- а) обыденное и теоретическое сознание;
- б) общественная психология и идеология;
- в) осознание политического строя государства;
- г) осознание собственных прав и обязанностей;
- д) осознание места и роли личности в обществе.

ЗАДАНИЕ 24. Какие из перечисленных феноменов являются формами общественного сознания?

Варианты ответов:

- а) религия;
- б) жилищные проблемы гражданина;
- в) наука и философия;
- г) свобода;
- д) нравственные отношения;
- е) мораль.

ЗАДАНИЕ 25. Что, на ваш взгляд, является критерием гуманности общества?

Варианты ответов:

- а) степень защищенности от преступного мира;
- б) возможность получить желаемое образование;
- в) степень свободы;
- г) уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей личности.

ЗАДАНИЕ 26. Когда был введен в научный оборот термин «философия истории»?

Варианты ответов:

- а) V в. до н.э.
- б) XVIII в.
- г) XX в.

ЗАДАНИЕ 27. Что изучает философия истории?

Варианты ответов:

- а) исторические события;
- б) биографии выдающихся личностей;
- в) закономерности исторического процесса;
- г) проблемы детерминизма и периодизации истории;
- д) проблемы смысла истории;

- е) социальный прогресс;
- ж) культура и цивилизация.

ЗАДАНИЕ 28. Назовите философа, с именем которого связывают возникновение философско-исторической проблематики.

Варианты ответов:

- а) К. Маркс;
- б) Августин Аврелий;
- в) Аристотель.

ЗАДАНИЕ 29. Укажите время появления в европейской философии понятия «социальный прогресс».

Варианты ответов:

- а) IV – III вв. до н. э.;
- б) XII в.;
- в) XVII в.;
- г) XX в.

ЗАДАНИЕ 30. Назовите мыслителей, разделяющих идею социального прогресса.

Варианты ответов:

- а) Ж. Кондорсе;
- б) А. Тюрго;
- в) И. Гердер;
- г) Ж. Ж. Руссо;
- д) О. Конт;
- е) Г. Гегель;
- ж) К. Маркс.

ЗАДАНИЕ 31. Назовите философа, доказывающего регрессивное развитие общества.

Варианты ответов:

- а) Ж. Кондорсе;

- б) А. Тюрго;
- в) И. Гердер;
- г) Ж. Ж. Руссо;
- д) О. Конт;
- е) Г. Гегель;
- ж) К. Маркс.

ЗАДАНИЕ 32. Назовите имена мыслителей, понимавших исторический процесс как циклический.

Варианты ответов:

- а) Ж. Кондорсе;
- б) К. Маркс;
- в) Аристотель;
- г) Г. Гегель;
- д) А. Тюрго;
- е) А. Тойнби;
- ж) Ф. Энгельс;
- з) Полибий;
- и) Платон;
- к) О. Конт;
- л) Н. Данилевский;
- м) О. Шпенглер;
- о) Дж. Вико.

ЗАДАНИЕ 33. Назовите имена мыслителей, понимавших исторический процесс как линейный.

Варианты ответов:

- а) Ж. Кондорсе;
- б) К. Маркс;
- в) Аристотель;
- г) Г. Гегель;
- д) А. Тюрго;
- е) А. Тойнби;
- ж) Ф. Энгельс;
- з) Полибий;
- и) Платон;

- к) О. Конт;
- л) Н. Данилевский;
- м) О. Шпенглер;
- о) Дж. Вико.

ЗАДАНИЕ 34. Назовите имена мыслителей, понимавших исторический процесс как спиралевидный.

Варианты ответов:

- а) Ж. Кондорсе;
- б) К. Маркс;
- в) Аристотель;
- г) Г. Гегель;
- д) А. Тюрго;
- е) А. Тойнби;
- ж) Ф. Энгельс;
- з) Полибий;
- и) Платон;
- к) О. Конт;
- л) Н. Данилевский;
- м) О. Шпенглер;
- о) Дж. Вико.

ЗАДАНИЕ 35. Назовите автора формационной модели исторического прогресса.

Варианты ответов:

- а) О. Шпенглер;
- б) А. Тойнби;
- в) К. Маркс;
- г) Н. Данилевский;
- д) П. Сорокин.

ЗАДАНИЕ 36. Назовите автора культурологической модели исторического прогресса.

Варианты ответов:

- а) О. Шпенглер;
- б) А. Тойнби;

- в) К. Маркс;
- г) Н. Данилевский;
- д) П. Сорокин.

ЗАДАНИЕ 37. Назовите автора цивилизационной модели исторического прогресса.

Варианты ответов:

- а) О. Шпенглер;
- б) А. Тойнби;
- в) К. Маркс;
- г) Н. Данилевский;
- д) П. Сорокин.

ЗАДАНИЕ 38. Выделите основные содержательные характеристики формационного подхода к пониманию развития общества.

Варианты ответов:

- а) признание многообразия исторического процесса;
- б) европоцентризм;
- в) констатация закономерности и единства истории;
- г) прогрессизм;
- д) признание диалогизма истории;
- е) утверждение экономической детерминированности истории.

ЗАДАНИЕ 39. Какие из перечисленных понятий являются инородными для формационной концепции К. Маркса?

- а) первобытнообщинный строй;
- б) феодализм;
- в) традиционное общество;
- г) капитализм;
- е) постиндустриальное общество;
- ж) коммунистическое общество.

ЗАДАНИЕ 40. Назовите представителей технократической концепции исторического процесса.

Варианты ответов:

- а) Р. Арон;
- б) У. Ростоу;
- в) Д. Белл;
- г) З. Бжезинский;
- д) К. Маркс;
- е) О. Конт.

ЗАДАНИЕ 41. Назовите провиденциалистские концепции философии истории.

Варианты ответов:

- а) Августин Аврелий;
- б) Г. Гегель;
- в) В. Соловьёв;
- г) Ф. Аквинский;
- д) К. Маркс.

ЗАДАНИЕ 42. Кто из современных мыслителей стоит на позициях «антиисторицизма» и рассматривает историю как бесконечное множество историй.

Варианты ответов:

- а) А. Тойнби;
- б) К. Поппер;
- в) М. Вебер.

ЗАДАНИЕ 43. Укажите закон общественного развития, который был введён Т. Мальтусом.

Варианты ответов:

- а) закон единства и борьбы противоположностей;
- б) закон народонаселения;
- в) закон энтропии;
- г) закон отрицания отрицания.

ЗАДАНИЕ 44. Назовите философов, отстаивающих приоритетность географической среды среди всех других факторов развития общества.

Варианты ответов:

- а) Ш. Монтескье;
- б) Г. Т. Бокль;
- в) Э. Реклю;
- г) Л. Мечников;
- д) Л. Гумилёв;
- е) Г. Спенсер.

ЗАДАНИЕ 45. Кто из философов рассматривает уровень развития техники в качестве решающего фактора общественного развития.

Варианты ответов:

- а) О. Конт;
- б) А. Арон;
- в) У. Ростоу;
- г) Н. Данилевский.

ЗАДАНИЕ 46. Какому известному философу может принадлежать следующее высказывание: «Разум есть субстанция, а именно то, благодаря чему и в чём вся действительность имеет своё бытие...»?

Варианты ответов:

- а) О. Конт;
- б) Г. Гегель;
- в) И. Кант;
- г) К. Маркс.

ЗАДАНИЕ 47. Вставьте пропущенное слово: По мнению философа-экзистенциалиста..., важнейшим рубежом, от которого отправляется история, является «осевое время», наполненное ценнейшими для человека идеалами.

Варианты ответов:

- а) Ж. П. Сартр;
- б) А. Камю;
- в) К. Ясперс.

ЗАДАНИЕ 48. К какому философскому направлению можно отнести позицию философа – автора этих строк: «Всемирная история... есть история великих людей... Всё сделанное в этом мире представляет... практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям»?

Варианты ответов:

- а) идеализм;
- б) материализм;
- в) экзистенциализм;
- г) персонализм.

ЗАДАНИЕ 49. Расположите в хронологической последовательности основные кульминационные точки социальной истории человечества.

Варианты ответов:

- а) промышленная революция, научная революция, неолитическая революция, научно-техническая революция;
- б) неолитическая революция, научная революция, промышленная революция, научно-техническая революция;

ЗАДАНИЕ 50. Выделите субъективные условия прогресса общества:

- а) активизация человеческого фактора;
- б) информационная поддержка трудящихся;
- в) модернизация производства, обновление техники и технологии;

- г) свобода слова, совести;
- д) возможность выбора местожительства;
- е) непрерывное сближение науки и производства.

3. СПИСОК ОСНОВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Список основной учебной литературы

- Алексеев, П. В.** Социальная философия: учеб. пособие/ П.В. Алексеев. – М., 2003.
- Барулин, В. С.** Социальная философия: учеб./ В.С.Барулин. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1993.
- Бучило, Н. Ф.** Философия: учеб. пособие/ Н.Ф.Бучило, А.Н.Чумакова. – М., 2001. – С. 291–323.
- Грядовой, Д. И.** Философия. Структурный курс основ философии: учеб. пособие/ Д.И.Грядовой. – М., 1999.
- Ильин, В. В.** Философия: учеб./ В.В.Ильин. – М., 1999.
- Кармин, А. С.** Философия/ А.С.Кармин, Г.Г.Бернацкий. – СПб., 2001. – С. 194 – 220.
- Кемеров, В. Е.** Введение в социальную философию/ В.Е.Кемеров. – М., 1996.
- Крапивенский, С. Э.** Социальная философия: учеб. пособие/ С.Э.Крапивенский. – Волгоград, 1995.
- Момджян, К. Х.** Социум. Общество. История/ К.Х.Момджян. – М., 1994.
- Мир философии: книга для чтения.** В 2 ч. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. – М., 1991 – С. 232 – 283.
- Новые направления в социологической теории.** – М., 1978.
- Очерки социальной философии: учеб. пособие для высш. учеб.заведений / отв. ред. В.Н. Шевченко.** – М., 1994.
- Очерки социальной философии: учеб. пособие / под ред. К.С.Пигрова.** – СПб., 1998.
- Современная западная социология: словарь.** – М., 1991.

- Современная** западная философия: словарь. – М., 1991.
- Современная** западная философия: учеб.-метод. пособие / сост. М.В.Максимов. – Иваново, 2002.
- Социальная** философия / под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – М., 1995.
- Социальная** философия: учеб. / под ред. И.А. Гобозова. – М., 2003.
- Социальная** философия. Хрестоматия. Ч. 1,2 / сост. Г.С. Арефьева [и др.]. – М., 1994.
- Спиркин, А. Г.** Философия: учеб./ А.Г.Спиркин. – М., 2000. – С. 522–553.
- Философия:** Программа курса, планы семинарских занятий, тематика докладов и рефератов, контрольные вопросы и задания / сост. М.В. Максимов, Л.М. Максимова. – Иваново, 2003.
- Философия** истории. Хрестоматия. – М., 1994.
- Хрестоматия по истории философии:** учеб. пособие/ отв. ред. Л.А. Микешина. В 3 ч. Ч.1. – М., 1997. – С. 106–107 (Платон); 410–413 (Гегель); 434–443 (К. Маркс, Ф. Энгельс). Ч. 3. – С.280–289 (В.С.Соловьев); 326–330 (Г.В. Плеханов); 447–456 (С.Н.Булгаков).

Список дополнительной литературы

- Августин, А.** О граде Божьем/ А.Августин // Августин, А. Блаженный Августин. Творения. В 4 т. Т.3-4/ А. Августин. – СПб.; Киев, 1998.
- Аверинцев, С. С.** Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья /С.С. Аверинцев // Античность и Византия. – М., 1975.
- Антология** классической русской социологии / сост. Д.С. Клементьев, Л.Н.Панкова. – М., 1995.
- Аристотель.** Политика /Аристотель // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4./ Аристотель. – М., 1984.

- Бааде, Ф.** Соревнование к 2000 году. Наше будущее: рай на земле или самоуничтожение человечества: пер. с нем. / Ф. Бааде. – М., 1962.
- Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Эпилог. Повестка дня для будущего/ Д.Белл. – М., 1999.
- Бердяев, Н. А.** Смысл истории/ Н.А.Бердяев. – М., 1990.
- Бердяев, Н. А.** Царство Духа и царство Кесаря/Н.А.Бердяев. – М., 1995.
- Блюхер, Ф. Н.** Философские проблемы исторической науки/ Ф.Н.Блюхер. – М.: ИФ РАН, 2004.
- Боббио, Н.** Интеллектуалы и власть /Н. Боббио // Вопр. философии. – 1992. – № 8.
- Бодрийяр, Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального/ Ж..Бодрийяр. – Екатеринбург, 2000.
- Бодрийяр, Ж.** Прозрачность зла/ Ж..Бодрийяр. – М., 2000.
- Бранский, В. П.** Теоретические основания социальной синергетики/ В.П. Бранский // Вопр. философии.– 2000. – №4.
- Бузгалин, А. В.** «Постиндустриальное общество» – типичная ветвь социального развития? / А.В.Бузгалин // Вопр. философии. – 2002. – № 5.
- Бузгалин, А. В.** Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы и вызовы XXI в. / А.В.Бузгалин, А.И. Колганов // Вопр. философии. – 2005. – № 9. – С. 3–25.
- Булгаков, С. Н.** Философия хозяйства/ С.Н.Булгаков. – М., 1990.
- Вебер, М.** Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
- Вебер, М.** Харизматическое господство/М. Вебер // Социс. – 1988. – № 5.
- Вико, Д.** Основания новой науки об общей природе наций/ Д.Вико. – М., 1994.

- Вольтер, Ф. М.** Философия истории/ Ф.М.Вольтер. – СПб., 1868.
- Гаджиев, К. С.** Концепция гражданского общества: Идеи-ные истоки и основные вехи формирования/К.С. Гаджиев // Вопр. философии. – 1991. – № 7.
- Гаджиев, К. С.** Тоталитаризм как феномен XX века. /К.С.Гаджиев // Вопр. философии. – 1992. – № 2.
- Гегель, Г. В. Ф.** Лекции по философии истории. Введение. /Г.В.Ф.Гегель//Г.В.Ф.,Гегель Философия истории/ Г.В.Ф.Гегель. – СПб., 1993.
- Гегель, Г. В. Ф.** Феноменология духа. Раздел В. Самосознание/ Г.В.Ф.Гегель. – СПб., 1992.
- Гердер, И. Г.** Идеи к философии истории человечества/ И.Г.Гердер. – М., 1977.
- Глазьев, С. Ю.** Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии/С.Ю. Глазьев // Социол. исследования. – 1996. – № 6.
- Гоббс, Т.** Левиафан / Т.Гоббс // Гоббс, Т. Соч. В 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс. – М., 1991.
- Гобзов, И. А.** Введение в философию истории/ И.А. Гобзов. – М., 1997.
- Гумилев, Л. Н.** География этноса в исторический период/ Л.Н.Гумилев. – Л., 1990.
- Гумилев, Л. Н.** Из истории Евразии/ Л.Н.Гумилев. – М., 1993.
- Гэлбрейт, Дж.** Новое индустриальное общество/ Дж. Гэлбрейт. – М., 1969.
- Данилевский, Н. Я.** Россия и Европа/ Н.Я.Данилевский. – М., 1991.
- Жижек, С.** Возвышенный объект идеологии/ С.Жижек. – М., 1999.
- Захарова, О. Д.** Геополитические аспекты депопуляции России / О.Д. Захарова, Л.Л. Рыбаковский // Социол. исследования. – 1997. – № 6.

- Зиммель, Г.** Как возможно общество?/Г. Зиммель // Зиммель, Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни/Г. Зиммель. – М., 1996.
- Зомбарт, В.** Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека/ В. Зомбарт. – М., 1994.
- Ивин, А. А.** Введение в философию истории/ А.А. Ивин. – М., 1997.
- Ивин, А. А.** Философия истории/А.А.Ивин. – М., 2000.
- Иноземцев, В. Л.** За пределами экономического общества/ В.Л. Иноземцев. – М., 1998.
- Иноземцев В. Л.** Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации/В.Л. Иноземцев // Вопр. философии. – 2002. – № 5.
- Кант, И.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане/ И. Кант // Кант, И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8/ И.Кант. – М., 1994.
- Каримский, А. М.** Социальный биологизм/ А.М. Каримский. – М., 1984.
- Карлейль, Т.** Герои, почитавшие героев, и героическое в истории / Т. Карлейль // Карлейль, Т. Теперь и прежде / Т. Карлейль. – М., 1994.
- Коллингвуд, Р. Дж.** Идея истории/ Р.Дж. Коллингвуд// Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография/ Р.Дж. Коллингвуд. – М., 1980.
- Кондорсе, Ж. А.** Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума/ Ж.А.Кондорсе. – М., 1936.
- Кондратьев, Н. В.** Основные проблемы экономической статики и динамики /Н.В. Кондратьев// Социологос. – Вып. 1. – М., 1991.
- Конт, О.** Курс положительной философии. В 2 т. Т. 1/ О.Конт. – СПб., 1900.
- Ксенофонт.** Домострой/Ксенофонт // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе/Ксенофонт. – М., 1993.

- Лапин, Н. И.** Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения/ Н.И. Лапин // *Вопр. философии.* – 2005. – № 2. – С. 17–29.
- Лиотар, Ж. Ф.** Ответ на вопрос: что такое постмодерн?/ Ж.Ф. Лиотар // *Ad Marginem* '93: ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М., 1994.
- Лукач, Д.** К онтологии общественного бытия: Прологемы/ Д.Лукач. – М., 1991.
- Луман, Н.** Понятие общества/Н. Луман // Луман, Н. Проблемы теоретической социологии/ Н. Луман. – СПб., 1994.
- Маркс, К.** К критике политической экономии. Предисловие /К. Маркс, Ф. Энгельс// Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч., изд. 2. Т. 13.
- Маркс, К.** Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс// Маркс, К. Социология. – М., 2000.
- Медоуз, Д. К.** Пределы роста: доклад по проекту римского клуба «Сложное положение человечества»/ Д.К. Медоуз, Д.Л. Медоуз, И. Рендерс, В. Беренс. – М., 1991.
- Мечников, Л. И.** Цивилизации и великие исторические реки/ Л.И.Мечников. – М., 1995.
- Моисеев, Н. Н.** Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого–политологический анализ/ Н.Н. Моисеев // *Вопр. философии.* – 1995. – № 1.
- Моисеев, Н. Н.** Экология, нравственность и политика/ Н.Н. Моисеев // *Вопр. философии.* – 1995. – № 5.
- Монтескье, Ш.** О духе законов/ Ш. Монтескье// Монтескье, Ш. Избранные произведения/ Ш. Монтескье. – М., 1955.
- Ницше, Ф.** К генеалогии морали / Ф.Ницше // Ницше, Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2/ Ф. Ницше. – М, 1990.
- Новая** постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.
- Новгородцев, П. И.** Об общественном идеале/ П.И. Новгородцев. – М., 1991.

- Ойзерман, Т. И.** Материалистическое понимание истории/ Т.И. Ойзерман//Вопр. философии. –2001. – № 2.
- Ортега-и-Гассет, Х.** Восстание масс/ Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды/ Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1997.
- Осипов, Ю. М.** Очерки философии хозяйства/ Ю.М. Осипов. – М., 2000.
- Парето, В.** Чистая экономия/ В.Парето. – Воронеж, 1912.
- Пигров, К. С.** Оборачивание метода и превращенные формы в процессе исторического творчества/ К.С. Пигров // Пигров, К.С. Материалистическое учение К. Маркса и современность/ К.С.Пироков. – Л., 1984.
- Платон.** Государство /Платон// Платон. Собр. соч. В. 4 т. Т. 3/ Платон. – М., 1994.
- Поляков, А. Н.** К проблеме общественных формаций/А.Н. Поляков // Вопр. философии. – 2003. – № 6. – С. 3–15.
- Поппер, К.** Открытое общество и его враги. Т. 1. Гл. 1. Историзм и миф о предопределении; Т. 2. Гл. 25. Имеет ли история какой-нибудь смысл?/ К.Поппер. – М., 1992.
- Прудон, П. Ж.** Бедность как экономический принцип/ П.Ж. Прудон. – М., 1908.
- Ракитов, А. И.** Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях / А.И. Ракитов// Вопр. философии. – 2005. – № 5. – С. 82–94.
- Риккерт, Г.** Философия истории/ Г. Риккерт// Риккерт, Г. Философия жизни/ Г. Риккерт. – Киев, 1998.
- Римский клуб.** – М., 1997.
- Розанов, В. В.** Апокалипсис нашего времени/ В.В.Розанов. – М., 2000.
- Розин, В. М.** Техника и социальность /В.М. Розин// Вопр. философии. – 2005. – № 5. – С. 95–107.
- Рорти, Р.** Случайность, ирония и солидарность/ Р. Рорти. – М., 1996.
- Русакова, О. Ф.** Историсофия: структура предмета и курса / О.Ф. Русакова // Вопр. философии.– 2004. – № 7. – С. 48–59.

- Руссо, Ж.-Ж.** Рассуждение по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?// Ж.-Ж. Руссо// Руссо, Ж.-Ж. Трактаты/ Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969.
- Руткевич, М. Н.** Общество как система. Социологические теории/ М.Н. Руткевич. – СПб., 2001.
- Силичев, Д. А.** Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну/ Д.А.Силичев // Вопр. философии. – 2005. – № 7.
- Смит, А.** Исследование о природе и причинах богатства народов/ А.Смит. – М., 1962.
- Соловьев, В. С.** Философские начала цельного знания Гл. 1. Общеисторическое введение (О законе исторического развития)/ В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. В 2 т. Т. 2/ В.С. Соловьев. – М., 1988.
- Сорокин, П. А.** Главные тенденции нашего времени/ П.А. Сорокин. – М., 1996.
- Сорокин, П. А.** Человек, цивилизация, общество/ П.А. Сорокин. – М., 1992.
- Тард, Г.** Социальная логика/ Г. Тард. – СПб., 1901.
- Тойнби, А.** Постижение истории. Часть первая/ А. Тойнби. – М., 1991.
- Тоффлер, Э.** Третья волна/ Э. Тоффлер. – М., 1999.
- Туроу, Л.** Будущее капитализма/ Л. Туроу. – Новосибирск, 1999.
- Уорд, Л.** Очерки социологии/ Л. Уорд. – М., 1901.
- Федотова, В. Г.** Социальное конструирование приемлемого для жизни общества / В.Г.Федотова // Вопр. философии. – 2003. – № 11. – С. 3–18.
- Философия** и интеграция современного социально-гуманитарного знания (Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 2004. – № 7. – С. 3–39.
- Франк, С. Л.** Духовные основы общества/ С.Л. Франк. – М., 1992.
- Франк, С. Л.** Философские предпосылки деспотизма/ С.Л.Франк // Вопр. философии. – 1992. – № 3.

- Фрейд, З.** Будущее одной иллюзии/ З. Фрейд // Фрейд, З. Сумерки богов/ З.Фрейд. – М., 1989.
- Фуко, М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ М.Фуко. – М., 1999.
- Фуко, М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук/ М.Фуко. – СПб., 1994.
- Хайдеггер, М.** Вопрос о технике/ М. Хайдеггер// Хайдеггер, М. Новая технократическая волна на Западе/ М.Хайдеггер. – М., 1986.
- Хайдеггер, М.** Время картины мира/ М. Хайдеггер // Хайдеггер, М. Время и бытие/ М.Хайдеггер. – М., 1993.
- Хоркхаймер, М.** Диалектика просвещения. Философские фрагменты/ М.Хоркхаймер, Т.Адорно. – М., 1997.
- Человек, политика, психология** (Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 1995. – №4.
- Чичерин, Б. Н.** Собственность и государство/ Б.Н. Чичерин. – СПб., 2005.
- Шпенглер, О.** Закат Европы/ О.Шпенглер. – М., 1998.
- Энгельс, Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства / К.Маркс, Ф.Энгельс// Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т.12.
- Ясперс, К.** Истоки истории и ее цель/ К. Ясперс// К. Ясперс, Смысл и назначение истории/ К.Ясперс. – М., 1994.

4. ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ

1. Проблема происхождения человеческого общества.
2. Общество как целостная система.
3. Античные концепции общества и государства: Платон и Аристотель.
4. Концепции общества французских просветителей (Ш.Л. Монтескье, Ф.Вольтер, Ж.-Ж. Руссо).
5. С.Л.Франк о духовных основах общества.
6. Концепция цельного общества В.С. Соловьева.

7. К. Маркс и Ф. Энгельс: формирование материалистической концепции общества.
8. Концепция информационного общества.
9. Социально-философские аспекты взаимодействия экономики и политики.
10. Экономика и нравственность.
11. Этика и социальная ответственность бизнеса.
12. Философская сущность общественного производства.
13. Современная философия хозяйства.
14. Социально-философские аспекты собственности.
15. Потребности и интересы как мотивы экономической деятельности и поведения.
16. Эволюция философского понимания общественной жизни людей и её истории.
17. Прогресс и его критерии.
18. Насилие и ненасилие в истории.
19. Выдающиеся мыслители человечества об идеалах общественного устройства.
20. Концепции цикличности исторического прогресса (Платон, Аристотель, Дж. Вико, Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби).
21. Линейная концепция истории (А.Тюрго, М. Кондорсе, Г.Гегель, О.Конт).
22. Формационная концепция К. Маркса.
23. Проблемы интерпретации смысла истории в современной философии (Р.Арон, К. Ясперс, Ф. Фукуяма).
24. Проблема соотношения свободы и исторической необходимости в философско-исторической мысли.
25. Философско-историческая концепция Аврелия Августина.
26. «Хитрость мирового разума» и проблема исторического субъекта в философии истории Гегеля.
27. Идея человечества О. Конта.
28. Проблема исторического субъекта в марксистской философии.

29. Массы и критически мыслящие личности, их роль в истории.
30. Вл. Соловьев об истории как о богочеловеческом процессе.
31. Человечество как целостность и субъект исторического развития в философии истории В.С. Соловьева.
32. Идея всеобщей истории и единства человечества. Poleмика Вл. Соловьева с Н.Я. Данилевским.
33. Проблема общественного прогресса в философии истории.
34. Проблема исторического субъекта в русской философии XX в.:
С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк.
35. Н.А. Бердяев о «метаисторическом» смысле истории.
36. Эсхотология Н.А. Бердяева.
37. Проблема насилия и ненасилия в истории.
38. Смысл войны по В.С. Соловьеву.
39. «Непротивление злу насилием». Л.Н. Толстой и И.А. Ильин.
40. Концепции ненасиления и толерантности в современной философско-исторической мысли.

5. КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ФИЛОСОФСКИХ ТЕРМИНОВ

Деятельность – это специфически человеческая форма активности по отношению к окружающему миру, содержанием которой является его целесообразное и преобразование. Деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс. Она подразделяется на материальную и духовную.

Географическая среда – это та часть природы, которая вовлечена в сферу человеческой деятельности и составляет

необходимое условие существования и развития общества. Это – территория, климат, ресурсы, ландшафт, рельеф местности и т.д.

Географический детерминизм – это позиция, согласно которой развитие общества обусловлено естественной природой.

Государство – это форма организации публичной власти, социальный институт, осуществляющий функции управления и защиты конкретного общества, а также распределения общественных (экономических, демографических, духовных и т.д.) ресурсов.

Гражданское общество – это высший уровень объединения социальных групп, общество, члены которого считают себя гражданами единого целого, и в котором где в максимальной степени реализуется принцип социальной справедливости. Основные признаки: разделение властей, участие граждан в политической жизни, децентрализация власти, равенство всех перед законом, различные формы ответственности, рыночная экономика, свобода совести, идеологический плюрализм, мировоззренческая толерантность.

Природа – совокупность естественных условий существования человеческого общества, включая земные условия и космические факторы.

Общество – это обособившаяся от природы часть материального мира, внеприродный тип реальности, системное образование, представляющее собой исторически изменяющуюся форму жизнедеятельности людей, которая проявляется в функционировании и развитии социальных ин-

ституты организаций, общностей и групп, отдельных индивидов.

Общественные отношения – это универсальная форма взаимодействия людей на всех этапах истории. Именно общественные отношения отличают социальную систему от других образований материального мира, превращают индивида в общественного человека, жизнедеятельность людей в общественную жизнедеятельность, связывает людей друг с другом. Общественные отношения неотделимы от деятельности и имеют надличностный характер. Не индивид определяет общественные отношения, а человек, рождаясь, попадает в уже сложившиеся общественные отношения.

Общественное сознание – это совокупность чувств, настроений, идей, теорий, художественных и религиозных образов, различных взглядов, отражающих все многообразие бытия.

Прогресс социальный – это поступательное развитие общества от низших ступеней к высшим.

Регресс – это тип развития, для которого характерен переход от высокоорганизованных форм к низшим – малоорганизованным. Содержанием регресса являются процессы деградации, понижения уровня организации, застой, возвращение к изжившим себя формам и структурам.

Система – совокупность элементов, находящихся в упорядоченном взаимодействии.

Социальное время – время человеческого бытия.

Социальный институт – социальная система, обеспечивающая функционирование общества как целостного обра-

зования. Основными элементами этой системы являются определенный вид деятельности и учреждения, организующие, направляющие и контролирующие этот вид деятельности. Например, социальный институт образования.

Социальный организм – общество, рассматриваемое как целостное и структурное образование.

Социальное пространство – это форма бытия социальной материи, то есть общество, представляющего собой продукт взаимодействия людей, создающих материальные и духовные ценности.

Философия истории — раздел философии, дающий философскую интерпретацию исторического процесса. Элементы философского осмысления истории содержались еще в античной философии и историографических работах. В Средние века философское исследование истории не отделялось сколько-нибудь ясно от теологических представлений об истории. Как особый раздел философии философия истории сложилась только в XVIII в. Сам термин «философия истории» был введен Вольтером в 1765. В работах И.Г. Гердера философия истории конституировалась как автономная дисциплина. Важный вклад в последующее ее развитие внесли Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, О. Конт, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, К. Ясперс и др.

Содержание и проблематика философии истории существенно изменялись с течением времени. В круг основных задач современной философии истории входят:

- исследование развития человеческой истории, деление истории на определенные эпохи, цивилизации, культуры, выявление ее общей схемы;

- анализ общей формы исторического процесса, указывающий на характер отношений между прошлым, настоящим и будущим (к этой теме относятся теории, согласно которым история имеет форму прямой линии, в силу чего времена не могут повторять друг друга, или форму круга, не несущего с собой никакой принципиальной новизны, или форму спирали, сочетающей линейное и кругообразное движение, или форму колебаний между некоторыми достаточно устойчивыми полюсами и т.д.);

- изучение главных факторов исторической эволюции (предопределенность истории волей Бога, историческими законами, детерминация ее системой ценностей, взаимодействием материальной и духовной культуры и т.д.);

- исследование смысла истории, ее направления и ее целей, если предполагается, что такие смысл, направление и цели существуют;

- изучение процесса постепенного формирования единого человечества и соответственно мировой истории;

- предсказание общих линий или тенденций будущего развития;

- анализ предмета науки истории и выявление тех факторов, которые связывают многообразные исторические дисциплины (политическая история, экономическая история, история культуры, история религии, история искусства и т.д.) в определенное единство¹.

¹ См.: Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004.

Приложение 1. Схемы.

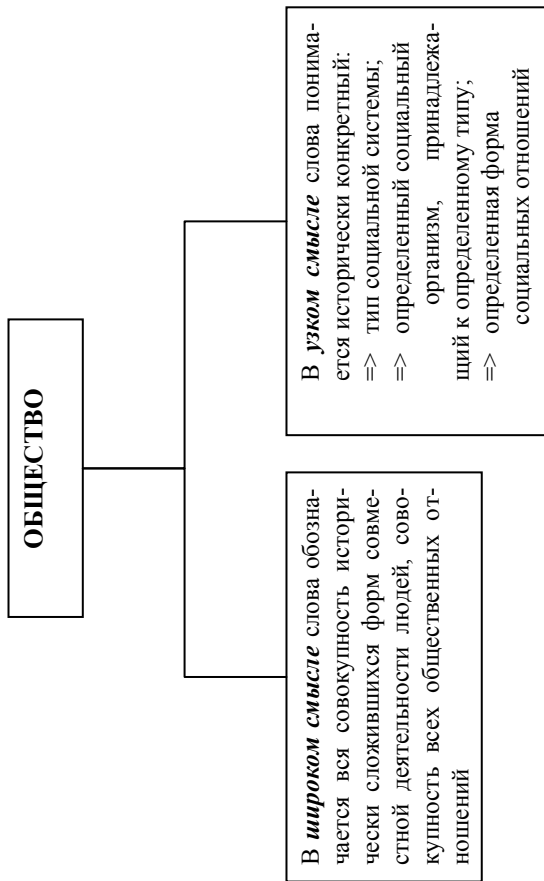

Схема 1. **ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА**

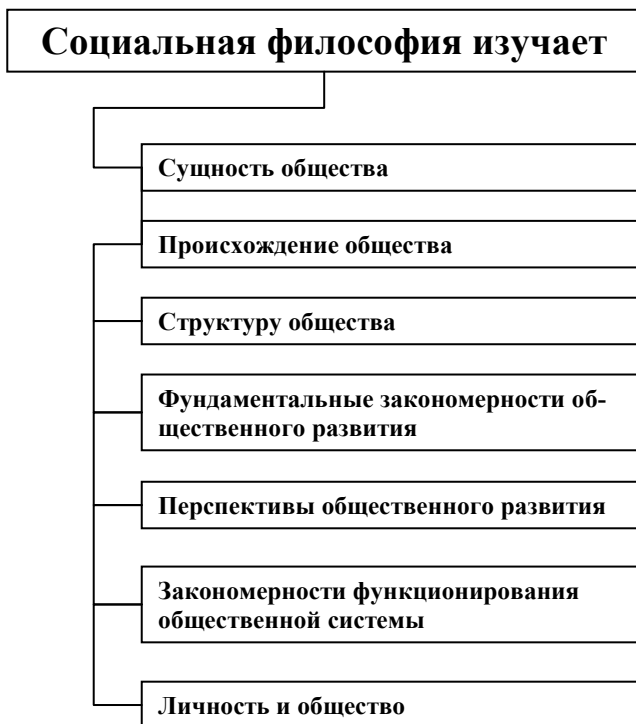

Схема 2. **ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Философия истории

1. Философия истории и социальная философия
2. Проблема направленности мирового исторического процесса
3. Главное и второстепенное в истории
4. Проблема начала человеческой истории
5. Место истории человечества в истории жизни на земле
6. Проблема роли труда в антропосоциогенезе
7. Становление цивилизации
8. Человек в информационно-технологическом мире
9. Экология и глобальные проблемы человечества
10. Проблемы «конца истории»

Философия права

1. Философия права и социальная философия
2. Сущность права
3. Понятие права
4. Правовая онтология
5. Правовая аксиология
6. Правовая гносеология
7. Юридическая концепция общего блага
8. Право в системе социальных норм
9. Личность, право, государство: правовое государство, права и свобода человека и гражданина
10. История философии права и современность и т.д.

Философия науки и техники

1. Основные стороны бытия науки
2. Формы организации науки
3. Наука в системе культуры
4. Традиции и новации в развитии науки
5. Научные революции
6. Дифференциация и интеграция в науке
7. Проблема теоретизации
8. Проблема математизации
9. Компьютеризация науки
10. Проблема аксиологической суверенности науки и непредсказуемость последствий научно-технического прогресса
11. Онтология и гносеология в науке
12. Социология и культурология техники
13. Антропология техники
14. Техника в системе культуры
15. Мировоззренческие проблемы развития науки и техники в XXI в.

Схема 3. НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

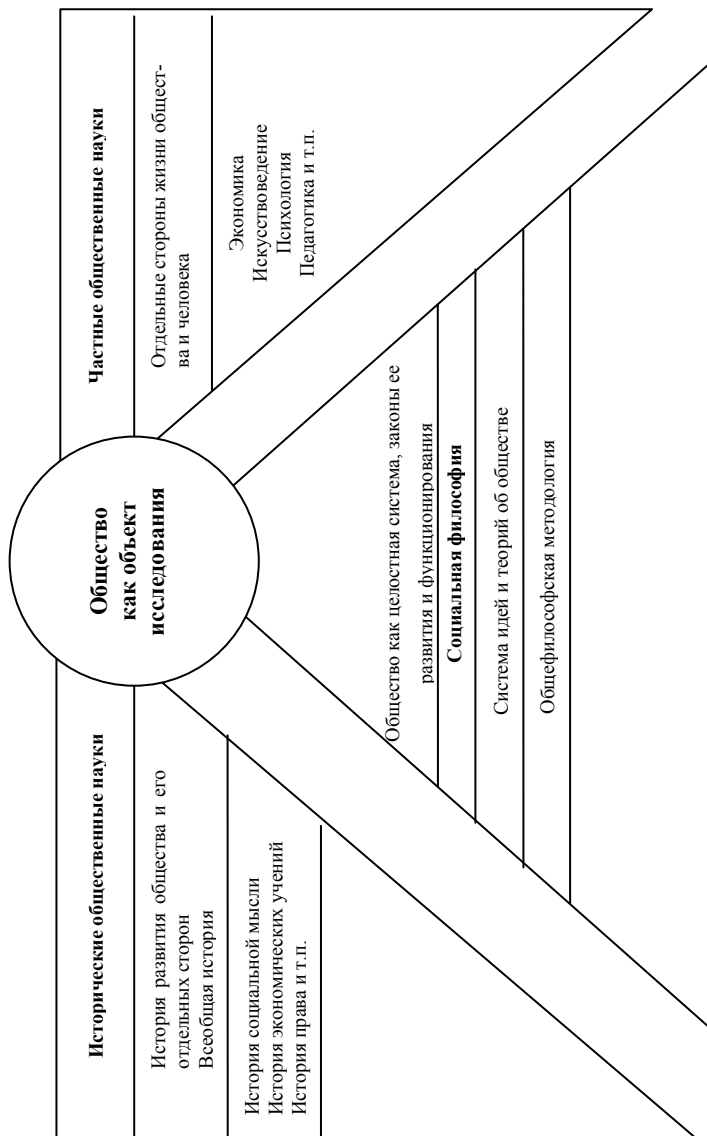

Схема 4. **СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

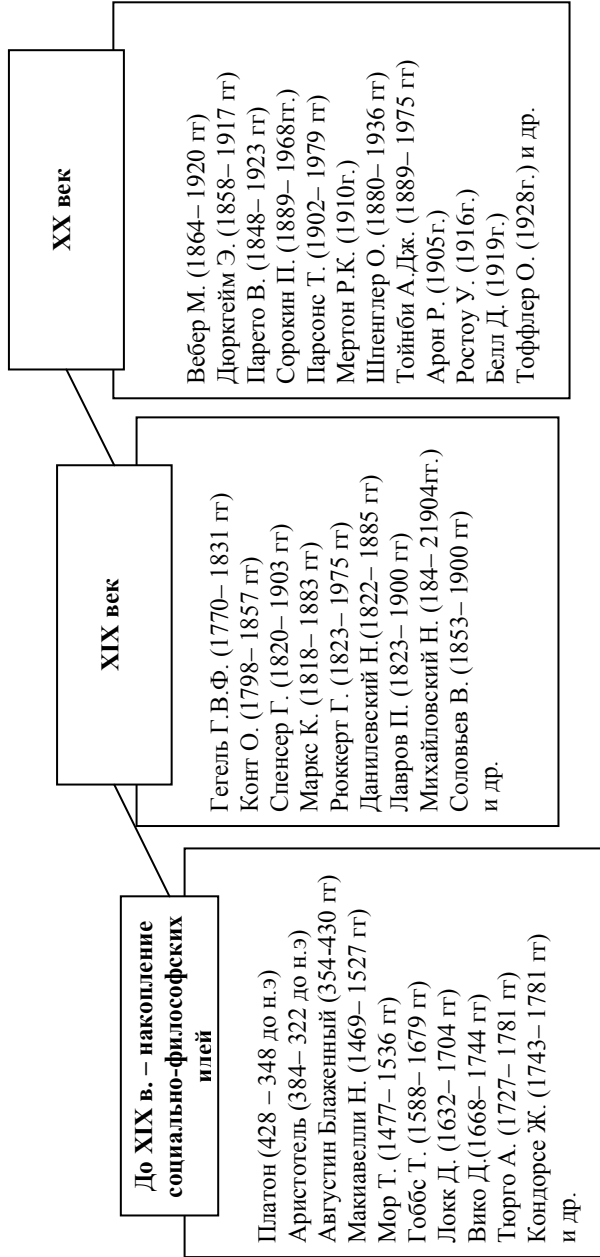

Схема 5. **ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ПОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА**

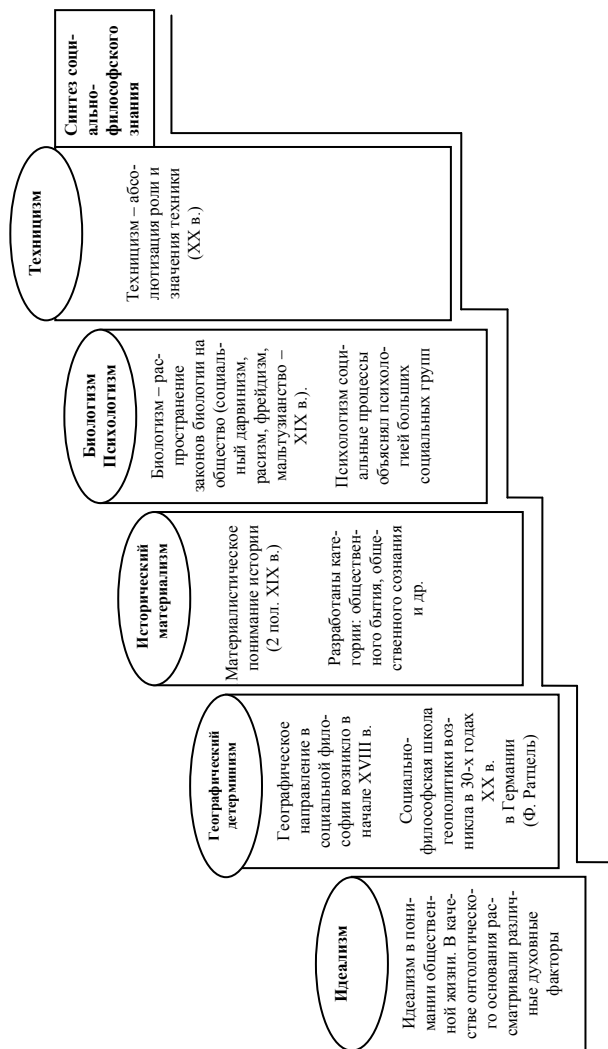

Схема 6. ЛОГИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Приложение 2. Философские тексты

1. Сформулируйте основные проблемы социальной философии, используя фрагмент работы С.Л. Франка «Духовные основы общества».

Что такое есть собственно общественная жизнь? Какова та общая ее природа, которая скрывается за всем многообразием ее конкретных проявлений в пространстве и времени, начиная с примитивной семейно-родовой ячейки, с какой-нибудь орды диких кочевников, и кончая сложными и обширными современными государствами? Какое место занимает общественная жизнь в жизни человека, каково ее истинное назначение и к чему, собственно, стремится человек и чего он может достичь, строя формы своего общественного бытия? И наконец, какое место занимает общественная жизнь человека в мировом, космическом бытии вообще, к какой области бытия она относится, каков ее подлинный смысл, каково ее отношение к последним, абсолютным началам и ценностям, лежащим в основе жизни вообще?...Проблема природы и смысла общественной жизни есть, очевидно, часть, и притом, как это ясно само собой, очень существенная часть проблемы природы и смысла человеческой жизни вообще — проблемы человеческого самосознания. Она связана с вопросом, что такое есть человек и каково его истинное назначение.

...Социальная философия исходит, таким образом, из допущения наличия в общественной жизни вечных, неизменных, имеющих силу при всяком историческом порядке закономерностей и старается их познать.

В противоположность этому социальная философия должна с самого начала исходить из религиозного убеждения (подтверждаемого историческим опытом и углубленным рассмотрением общественной жизни), что есть веч-

ные, вытекающие из существа человека и общества закономерности, которые человек хотя и может нарушить, но которые он не может нарушать безнаказанно и которые поэтому определяют истинную цель его стремлений. Человек не есть своевольный хозяин своей жизни; он есть свободный исполнитель высших велений, которые вместе с тем суть вечные условия его жизни. И последняя задача социальной философии — найти и определить основные из этих законов.

Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 15.

2. Что является основой выделения типов общества, по Н. Бердяеву. Почему с развитием техники возникает необходимость «укрепления духа»?

Фундаментальной проблемой является проблема отношений между личностью и обществом. Общество представляет собой объективацию человеческих отношений. Внутри общества «я» может остаться единым и не встретиться с «ты». Для социологии личность ничтожная часть, подчиненная обществу. Для экзистенциальной философии, напротив, общество является частью личности, ее социальной стороной. В личности имеется духовное начало, глубина, которая не определяется обществом, в ней есть духовная основа. Человек принадлежит двум сферам: царству Бога и царству Кесаря. На этом основаны права и свобода человека. Таким образом, существуют пределы власти государства и общества над человеком. Общество не есть организм. Реальность общества определяется реальностью человеческого общения, реальностью «мы». Объективированное общество, подавляющее личность, возникает из разобщения людей, из их греховного эгоцентризма. В таком обществе существует коммуникация между людьми, но нет

общения. Высшим типом общества является общество, в котором объединены принцип личности и принцип общности. Такой тип общества можно было бы назвать персоналистическим социализмом. В таком обществе за каждой человеческой личностью была бы признана абсолютная ценность и высочайшее достоинство как существа, призванного к вечной жизни, тогда как социальная организация обеспечивала бы каждому возможность достижения полноты жизни. Необходимо стремиться к синтезу аристократического качественного принципа личности и демократического, социалистического принципа справедливости и братского сотрудничества людей.

В эпоху активного вторжения масс в историю и головокругительного развития техники общество устраивается прежде всего технически. Человечество покидает органический ритм жизни и подчиняется механической, технической организации. Для человека как существа цельного это процесс болезненный и мучительный. Теллургическому периоду жизни человечества приходит конец. Власть машины означает начало нового периода: космогонического, потому что она подчиняет человека новому космосу. Человек живет уже не среди тел неорганических и органических, а среди тел организованных. Именно в такую эпоху особенно требуется укрепление духа и духовного движения для сохранения образа человека. Без духовного возрождения нельзя достичь социального переустройства.

Бердяев Н.А. Мое философское мировоззрение // Философские науки. – 1990. – № 6. – С. 85—91.

3. Как Т. Парсонс определяет понятия «общество» и «социальная система»?

Поскольку социальная система образуется взаимодействиями человеческих индивидов, то каждый участник является одновременно и *деятелем* (обладающим определенными целями, идеями, установками и т. д.), и *объектом* ориентации как для других деятелей, так и для себя самого. Система интеракции является определенным *аспектом*, *аналитически абстрагированным* от тотальной совокупности процессов действий участников интеракции. В то же время эти «индивиды» являются также организмами, личностями и участниками культурных систем. При такой интерпретации каждая из трех других систем действия (культура, личность, поведенческий организм) составляет часть окружающей среды или, можно сказать, окружающую среду социальной системы. За пределами этих систем находятся окружающие среды самого действия, они располагаются выше и ниже общей иерархии факторов, контролирующих действие в мире жизни.

Ниже действия в иерархии располагается физико-органическое окружение, включая дочеловеческие виды организмов и «неповеденческие» компоненты человеческих организмов. Это особенно важная граница действия, поскольку как люди мы знаем физический мир только через свой организм. Наше сознание не имеет непосредственного опыта восприятия внешнего физического объекта, если мы не восприняли его через физические процессы и через мозговые информационные «процессы». В плане же психологического знания физические объекты являются аспектами действия.

В принципе сходные рассуждения применимы к внешней среде, располагающейся выше действия, — «высшей реальности», с которой в конечном счете прихо-

дится иметь дело при обращении к тому, что Вебер называл «проблемами смысла» (например, проблемы зла и страдания, временных границ человеческой жизни и т. п.). В этой области «идеи» как культурные объекты являются в некотором смысле символическими «репрезентациями» высших реальностей (например, представлениями о богах, сверхъестественном), но не самими этими реальностями.

Фундаментальный принцип организации витальных систем состоит в том, что их структуры дифференцируются в соответствии с различными требованиями, предъявляемыми им внешней средой. Так, биологические функции дыхания, пищеварения, движения и обработки информации являются основаниями дифференцированных систем органов, каждый из которых специализирован применительно к потребности тех или иных отношений между организмом и его окружающей средой. Мы используем этот принцип для построения нашего анализа социальных систем.

Мы рассмотрим социальные системы в их отношениях с наиболее важными окружающими средами. Я утверждаю, что функциональные дифференциации среди трех подсистем действия (исключая социальную) — культурной системы, системы личности и поведенческого организма — и связь двух из них с двумя средами всей системы действия служат основными ориентирами для «анализа различий между социальными системами. Это значит, что анализ будет разворачиваться на базе фундаментальных отношений системы и ее окружения...

В функциональных терминах нашей парадигмы социальная система является интегративной подсистемой действия в целом. Три другие подсистемы действия составляют главные ее окружающие среды. При анализе обществ и других социальных систем может быть применен вышеозначенный принцип. Мы увидим, что три из первичных подсистем общества... функционально специализируются

на взаимодействии с тремя главными окружающими средами социальной системы... При этом каждая из подсистем имеет непосредственную связь с одной из окружающих сред. Каждая из этих трех сочетательных подсистем может быть также рассмотрена как отдельная окружающая среда подсистемы, которая является интегративным центром общества... Мы всегда будем использовать это двойственное применение функциональной парадигмы при экспозиции нашей общей теоретической схемы и при анализе конкретных обществ в этой книге.

При определении общества мы используем критерий, который восходит, по меньшей мере, к Аристотелю. Общество — это такой тип социальной системы среди любого универсума социальных систем, который достигает самого высокого уровня самодостаточности как система по отношению к своему окружению.

Это определение имеет в виду абстрагированную систему, по отношению к которой аналогично абстрагированные подсистемы действия образуют первичные среды. Эта точка зрения резко контрастирует с общепринятым взглядом на общество как образование, состоящее из конкретных человеческих индивидов. Организмы и личности членов общества были бы в таком случае чем-то внутренним для общества, а не частью его окружения. Мы не можем обсудить здесь достоинства обеих точек зрения. Но читатель должен ясно представлять себе точку зрения, положенную в основу данной книги.

При таком понимании критерий самодостаточности может быть подразделен на пять подкритериев, каждый из которых относится к одной из пяти сред социальных систем: высшей реальности, культурных систем, систем личности, поведенческих организмов и физико-органической среды. Самодостаточность общества является функцией от сбалансированной комбинации механизмов контроля над

его отношениями с этими пятью средами, а также от его собственного состояния внутренней интеграции.

Мы обратились к иерархии контроля, который организует отношения аналитически вычлененных систем. Это включает в себя *кибернетические* аспекты контроля, посредством которых системы с высоким уровнем информации, но с низким уровнем энергии управляют другими системами с более высоким уровнем энергии, но более низкой информацией... Так, программируемое следствие механических операций (например, в стиральной машине) может контролироваться переключателем таймера, использующего очень мало энергии в сравнении с энергией, приводящей в движение составные части машины и согревающей воду. Другим примером является ген и контролируемый им синтез протеина, а также иные аспекты клеточного метаболизма.

Культурная система структурирует обязательства перед высшей реальностью в значимые ориентации по отношению к остальному окружению и системе действия, физическому миру, организмам, личностям и социальным системам. В кибернетическом плане она занимает высшее место в системе действия, затем располагается социальная система, ниже, соответственно, личность и организм. Физическая среда — последняя в *обуславливающей* (в отличие от организационного) смысле слова. В той мере, в какой физические факторы не контролируются кибернетически высокоупорядоченными системами, мы должны адаптироваться к ним — иначе человеческая жизнь исчезнет. Зависимость человека от кислорода, пищи, приемлемых температур и т. д. является очень знакомым примером.

В силу нашей широкой эволюционной перспективы главное внимание среди несоциальных подсистем действия мы уделим культурной системе. Вследствие длительного процесса развития и разнообразных обстоятельств возникают формы социальной организации, обладающие все

большими адаптивными способностями. Они становятся все менее подверженными серьезным изменениям под воздействием узких, частных, случайных причин, действующих через специфические физические обстоятельства либо индивидуальные органические, а также личностные различия. В более развитых обществах различия между личностями могут даже расти, в то время как структуры и процессы общества становятся все менее зависимыми от индивидуальных особенностей. Поэтому мы должны сосредоточиться на кибернетически высокоорганизованных структурах — культурной системе среди сред общества — для того, чтобы увидеть главные источники широкомасштабных изменений.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 497—500.

4. Каково соотношение философии и социологии, по мнению французского философа XX в. М. Мерло-Понти?

Философия и социология долгое время находились в состоянии разъединения, и таким образом их соперничество скрадывалось, но это достигалось только ценой отказа от всякой почвы сближения, за счет стеснения их роста и потери взаимопонимания, то есть ценой непрерывного кризиса культуры. Ныне исследовательский дух как всегда опроверг запреты, и нам кажется, что прогресс философии и социологии позволяет сегодня пересмотреть их взаимоотношения.

Таким образом, противопоставленные философ и социолог согласны, по крайней мере, в поддержании границы, которая позволяет им никогда не встречаться. Но если бы санитарный кордон был снят, философия и социология разрушили бы друг друга. Теперь же они оспаривают одна

у другой умы. Размежевание — это холодная война. Всякое исследование, пытающееся одновременно учесть и идеи, и факты, в такой атмосфере вскоре распадается, поскольку факты, вместо того чтобы быть понятными как стимулы и гаранты конструктивного усилия, постигающего их внутреннюю динамику, возводятся в ранг решающей благодати, которой нужно только дожидаться. А идеи принципиально освобождаются от всякого сопоставления с нашим опытом мира. Переживанием другого и самих себя. Взаимопереход идей в факты и фактов в идеи дискредитируется как незаконнорожденная процедура — не философская и не научная, — что лишает ученых права на итоговую интерпретацию ими не собранных фактов и позволяет компрометировать философию посредством всегда приблизительных результатов научных исследований...

Разделение, против которого мы боремся, для философии не менее губительно, чем для развития науки. Может ли сознательный философ всерьез предлагать запретить философии близкое знакомство с наукой? Ведь в конечном счете философ всегда размышляет о какой-то вещи: о квадрате, начерченном на песке, об осле, коне, муле, о кубическом корне, киновари, римском государстве, о руке, погружающейся в железные опилки... Философ осмысливает свой опыт и свой мир. Если только не по указу, по какому праву он мог бы позволить себе забыть, что наука говорит об этом же опыте и этом же мире? Под собирательным именем науки имеется в виду не что иное, как систематическое упорядочение, методическое развитие — более или менее объемлющее, более или менее пронизательное — того самого опыта, который начинается с нашим первым восприятием. Это некоторая совокупность приемов восприятия, воображения и в конце концов жизни, ориентированная на ту самую истину, требование которой заложено в нас уже первыми нашими опытами. Случается,

что наука приобретает точность ценой схематизации. Но в этом случае средство ее оздоровления — не противопоставление невесть откуда взятому философскому знанию, а сопоставление с интегральным опытом.

Философия — это всегда разрыв с объективизмом, возврат от *constructa* к пережитому, от мира — к нам самим. Только этот необходимый и характерный для нее переход не дает ей попасть в разреженную атмосферу интроспекции или в область, нумерически отличную от области науки. Он уже не ведет ее к соперничеству с позитивным знанием, с тех пор как было признано, что «внутреннее», к которому он направлен, — это не какая-то «частная жизнь», но интерсубъективность, которая опосредованно связывает нас со всей историей. Когда я обнаруживаю, что социальное — это не только объект, но, прежде всего, — моя ситуация, и когда я пробуждаю в себе сознание этого моего социального, вся моя современность, ставшая для меня настоящим, а через нее и все прошлое, которое я теперь способен по-настоящему осмыслить как современное, каковыми оно когда-то и было, все согласное и несогласное действие исторической человеческой общности, — явственно представляются в моем живом настоящем. Отказ от экспликативного оснащения системы не снижает философию до ранга вспомогательного средства или пропаганды объективного знания, потому что у нее остается собственное измерение — измерение сосуществования, понятное не как совершившийся факт и объект рассмотрения, но как вечное событие и среда универсального *graxis'a*. Философия незаменима, поскольку она открывает нам движение, посредством которого жизни становятся истинами, и обращение единственного в своем роду существа, которое, в некотором смысле, уже есть все то, о чем оно только подумало.

Мерло-Понти М. Философ и социология // Вопросы социологии. – Т. 1., 1992. – № 1. – С. 5—15.

5. Как немецкий ученый В. Вундт рассматривает соотношение истории и философии?

Часто пытаются взять в качестве принципа для разграничения научных отраслей тот, которому придают значение уже при обычном понимании отношения между различными отраслями научного знания. Что происходит в природе, то, думают, вообще повторяется бесчисленное число раз, — естествоиспытатель поэтому может подводить факты под абстрактные законы; что, напротив того, исследует история, то происходит только *один раз*; вследствие этого естественная наука есть наука законодательная, и интерес для нее имеет только общее, для истории же, наоборот, только единичное имеет значение...

Однако чисто формальный признак сам по себе совершенно не годится для различения понятий, которые нас прежде всего интересуют своим содержанием, а не вследствие большего или меньшего объема подводимых под них фактов... Что касается приведенного выше для разграничения исторических от естественных наук формального признака, это он ложен в двух отношениях. Во-первых, неправильно думать, будто единичное в естественной науке не играет никакой роли. Почти вся геология, например, состоит из единичных фактов... Во-вторых, неправильно также утверждать, что законосообразное как таковое не может быть объектом истории. Историки со времен Полибия... редко упускают случай указывать на одновременные происшествия и на аналогичные связи событий в различные времена и выводить даже из таких параллелей известные заключения.

Вундт В. Введение в философию. – М, 1998. – С. 64—65.

Ответом на вопрос о том, обладает ли вообще история человечества общим значением или нет, служит, по видимому, уже само существование исторической науки. Историк, конечно, прав, отказываясь от сведения всего содержания истории на определенные законы, действующие так же неизменно, как и законы, которых можно искать и которые могут быть находимы, например, в естественной истории. Однако познание внутренней связи всего исторического развития человечества остается конечной целью всякого исторического исследования, и по своему существенному содержанию эта задача, как всюду исследование общих принципов бытия и бывания, есть в то же время философская проблема.

Вундт В. Система философии. – СПб., 1902. – С. 365.

б. Сформулируйте основные социально-философские идеи древнегреческого философа Демокрита.

«О первых же появившихся людях говорят, что они вели неупорядоченную, звероподобную жизнь и поодиночке выходили на пастбища, поедая наиболее пригодные для этого травы и доступные плоды деревьев... Так трудно жилось первым людям, когда не было изобретено еще ничего из жизненных подспорий: когда у людей не было одежды, они не знали ни жилищ, ни употребления огня и совершенно не умели готовить пищу... В дальнейшем, понемногу научаемые опытом, они стали укрываться зимой в пещерах и откладывать часть плодов, допускающих хранение. А когда пришло знание огня и других пособий, понемногу стало развиваться и прочее, что может принести пользу общественной жизни. Вообще нужда и опыт были для человека учителями во всем».

*Демокрит. Диодор // Лурье С.Я.
Демокрит. – Л., 1970. – С. 351.*

7. Какие факторы, по мнению Платона и Аристотеля, организуют общественную жизнь?

— Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

— Конечно.

— Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше.

— Конечно.

— Так давай же, — сказал я, — займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности.

— Несомненно.

— А первая и самая большая потребность — это добыча пищи для существования и жизни.

— Безусловно.

— Вторая потребность — жилье, третья — одежда и так далее.

— Это верно.

— Смотри же, — сказал я, — каким образом государство может обеспечить себя всем этим: не так ли, что кто-нибудь будет земледельцем, другой — строителем, третий — ткачом? И не добавить ли нам к этому сапожника и еще кого-нибудь из тех, кто обслуживает телесные наши нужды?

— Конечно.

Платон. Государство // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. – М., 1994. – С. 130.

Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.<...>

Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство — продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта — возьмем, например, природу человека, коня, семьи — то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. и. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нем как таковом: останется только его обозначение. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо».

Аристотель. Политика. // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4 – М., 1984. – С. 376, 378 – 379.

8. *Основываясь на фрагменте сочинения Аврелия Августина, дайте характеристику его социально-философской концепции.*

...Род человеческий Он размножил от одного человека, которого создал первым, чем если бы этот род начался от многих. Из животных одних Он сотворил живущими особняком, как бы одиноко блуждающими, ищущими по преимуществу уединения, каковы: орлы, коршуны, львы, волки и подобные им,— других влекущимися друг к другу, предпочитающими жить обществами и стадами, каковы: голуби, скворцы, олени, дикие козы и прочие того же рода. Оба рода Он размножил, однако же, не от отдельных особей, а повелел одновременно быть многим. Но человека, природу которого Он сотворил как бы среднюю между ангелами и животными так, что если бы он, покорный Творцу своему, как истинному Господу, с благоговейным послушанием соблюл заповедь Его, то мог бы перейти в общество ангелом, без посредства смерти достигши блаженного, нескончаемого бессмертия, а если бы в силу свободной воли своей высокомерием и непослушанием оскорбил Господа Бога своего, то, обреченный смерти, жил бы подобно животным, как раб похоти и осужденный на вечное мучение по смерти,— человека Он сотворил только одного и единственного. Это не для того, конечно, чтобы оставить его одиноким, без человеческого общества, но чтобы тем самым сильнее возбудить в нем стремление к общественному единству и к узам согласия, как скоро люди соедине-

ны между собой не только сходством природы, но и связями родства, потому что и жену, которая должна была соединиться с мужем, Ему угодно было создать не так, как его, но из него же самого, чтобы весь род человеческий распространился от одного человека (Кн. 12, Гл. XXI).

...Думаю, впрочем, что мы уже достаточно сделали для решения великих и весьма трудных вопросов о начале мира, души и самого человеческого рода. Последний мы разделили на два разряда: один тех людей, которые живут по человеку, другой тех, которые живут по Богу. Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т.е. двумя обществами людей, из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, а другому подвергнуться вечному наказанию с диаволом. Но это уже конец их, о котором нам следует говорить после. Теперь же, — так как уже достаточно сказано о происхождении их и в среде Ангелов, число которых нам неизвестно, и в лице двух первых людей, — следует, как мне кажется, перейти к распространению их, с того времени, как два первые человека стали рождать, и до того, когда люди рождать перестанут. Весь этот период, или век, в течение которого умирающие уходят, а рождающиеся заступают их место, представляет собой выдел этих двух градов, о которых мы рассуждаем.

Августин А. О граде Божьем // Философия истории: Антология. – М., 1995. – С. 21.

9. В чем сущность концепций «естественного права» и «общественного договора» Т. Гоббса и Дж. Локка

Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее

другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. В самом деле, что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного.

Что же касается умственных способностей (я оставляю в стороне искусства, имеющие свою основу в словах, и особенно искусство доходить до общих и непреложных правил, называемое наукой,— таковыми правилами обладают немногие, и то лишь в отношении немногих вещей, ибо правила эти не врожденные способности, родившиеся с нами, а также не приобретенные (как благоразумие) в процессе наблюдения над чем-то другим), то я нахожу в этом отношении даже большее равенство среди людей, чем в отношении физической силы. Ибо благоразумие есть лишь опыт, который в одинаковое время приобретается в равной мере всеми людьми относительно тех вещей, которыми они с одинаковым усердием занимаются. Невероятным это равенство делает, возможно, лишь пустое самомнение о собственной мудрости, присущее всем людям, полагающим, что они обладают мудростью в большей степени, чем простонародье, т. е. чем все другие люди, кроме них самих и немногих других, которых они одобряют потому ли, что те прославились, или же потому, что являются их единомышленниками. Ибо такова природа людей. Хотя они могут признать других более остроумными, более красноречивыми и более образованными, но с трудом поверят, что имеется много людей столь же умных, как они сами. И это потому, что свой ум они наблюдают вблизи, а ум других — на расстоянии. Но это обстоятельство скорее говорит о равенстве, чем о неравенстве, людей в этом отношении. Ибо

нет лучшего доказательства равномерного распределения какой-нибудь вещи среди людей, чем то, что каждый человек доволен своей долей.

Из-за равенства проистекает взаимное недоверие. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга. Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея каким-нибудь приличным именем, может с верностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других.

Из-за взаимного недоверия — война. Вследствие этого взаимного недоверия нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т.е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может, до тех пор пока не убедится, что нет другой силы, достаточно внушительной, чтобы быть для него опасной. Эти меры не выходят за рамки требуемых для самосохранения и обычно считаются допустимыми. Так как среди людей имеются такие, которые ради одного наслаждения созерцать свою силу во время завоеваний ведут эти завоевания дальше, чем этого требует безопасность, то и другие, которые в иных случаях были бы рады спокойно жить в обычных условиях, не были бы способны долго сохранять свое существование, если бы не увеличивали свою власть путем завоеваний и ограничились бы

только обороной. Отсюда следует, что такое увеличение власти над людьми, поскольку оно необходимо для сохранения человека, также должно быть позволено ему.

Мало того, там, где нет власти, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей большее уважение к себе: у одних — наказанием, у других — примером. Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы.

Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения, непосредственно ли по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени.

При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех.<...>

Происхождение государства. Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы корчиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, полатыни — *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание

лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты.

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1991. – С. 93 – 95, 132.

Бог создал человека таким существом, что, по Господнему решению, нехорошо было быть ему одиноким, и положив необходимость, удобства и склонности могучими побудительными силами, которым должен был подчиниться человек, Он заставил его искать общества, равно как и снабдил его разумом и языком, дабы тот мог поддерживать его и наслаждаться им. Первое общество состояло из мужа и жены, что дало начало обществу, состоящему из родителей и детей; к этому с течением времени добавилось общество из хозяина и слуги. И хотя все они могли, как это обычно и происходило, сочетаться и образовывать одну общую семью, в которой хозяин или хозяйка обладали в некотором роде правом правления, свойственным семье, однако ни одно из этих обществ и все они вместе не являлись политическим обществом, как мы увидим, если рассмотрим различные цели, связи и границы каждого из них <...>.

Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе; но те, кто не имеет такого общего судилища, я имею в виду — на земле, все еще находятся в естественном состоянии, при котором каждый, когда нет никого другого, сам является судьей и палачом, а это, как я уже показал, и есть совершенное естественное состояние <...>.

Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское, общество. И это происходит, когда какое-либо число людей, находящихся в естественном состоянии, вступает в общество, чтобы составить один народ, одно политическое тело под властью одного верховного правительства, или когда кто-либо присоединяется к ним и принимается в какое-либо уже существующее государство. Тем самым он уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо; он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это переносит людей из естественного состояния в государство, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо. В тех же случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных между собой, но не имеющих такой принимающей решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в естественном состоянии <...>.

Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, — это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом согласилось создать сообщество или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором большинство имеет право действовать и решать за остальных <...>.

Следовательно, подразумевается, что все, кто из естественного состояния объединяются в сообщество, отказываются в пользу большинства этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество, если только они не договорились совершенно определенно о каком-либо числе, превышающем простое большинство. И все это совершается посредством одного лишь согласия на объединение в единое политическое общество, а это и есть весь тот договор, который существует или должен существовать между личностями, вступающими в государство или его создающими. И таким образом, то, что является началом всякого политического общества и фактически его составляет, — это всего лишь согласие любого числа свободных людей, способных образовать большинство, на объединение и вступление в подобное общество. И именно это, и только

это, дало или могло дать начало любому законному правлению в мире <...>.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 3. — М., 1988. — С. 306, 311, 312, 317, 319.

10. Сформулируйте основные идеи концепции исторического круговорота Дж. Вико.

История «проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три Века, протекшие, как говорили Египтяне, за все время мира до них, а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением и что все решительно им приказывается ауспигиями или оракулами — самыми древними вещами языческой истории; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических Републиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; и наконец, — Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе; потому в этот век сначала процветали Народные Републики, а под конец — Монархии: обе эти формы являются Человеческими Правлениями, как было сказано многим выше». <...>

Наблюдая все Нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующие человеческие обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников; и нет среди наций, как бы дики и грубы они ни были, такого человеческого действия, которое совершалось бы с более изысканными церемониями и с более священной торжественностью, чем религиозные обряды, браки и

погребения. В силу той Аксиомы, что единообразные идеи, зародившиеся у незнающих друг о друге народов, должны иметь общее основание Истины, □ у всех Наций именно с этих трех вещей должна была начаться культура, и они принуждены были самым священным образом охранять их, чтобы Мир снова не одичал и не вернулся к лесному существованию. Поэтому мы и приняли эти три вечные и всеобщие обычая за три Основания нашей науки...»

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций // Философия истории. Антология. — М., 1995. — С. 31,37.

11. Что значит по Вольтеру писать историю «по-философски»?

«Аббат Базен (псевдоним Вольтера, под которым вышла в свет «Философия истории», – В.Г.) страстно любил истину и человечество. Он написал Философию истории..., имея в виду великую задачу прикинуть здравый смысл к древним басням...»

Вольтер Ф. Защита Дядюшки // Вольтер Ф. Философия истории. – СПб., 1886. – С. 308, 309.

«Предметом была история человеческого разума, а не подробный разбор мелких фактов, почти всегда искаженных... Речь шла о том, по каким путям и ступеням происходило движение от варварской грубости тех времен к цивилизованности нашего времени».

Вольтер Ф. Философские сочинения // Хрестоматия по истории философии. В 3 ч. Ч. 1. — М., 1997. — С. 338

12. Сформулируйте основную идею социально-философской концепции Ж.А. Кондорсе.

«Но если рассматривать то же самое развитие с точки зрения результатов относительно массы индивидов, сосуществующих одновременно на данном пространстве, и если проследить его из поколения в поколение, то тогда оно нам представится как картина прогресса человеческого разума<...>.

Когда взаимные потребности сблизят всех людей, нации наиболее могущественные возведут в ранг своих политических принципов равенство между обществами, подобно равенству между отдельными людьми, и уважение к независимости слабых государств как гуманное отношение к невежеству и нищете; когда правила, имеющие целью подавить силу человеческих способностей, будут заменены такими, которые будут благоприятствовать их проявлениям и энергии, возможно ли будет тогда бояться, что на земном шаре останутся пространства, недоступные просвещению, где надменность деспотизма могла бы противопоставить истине долго непреодолимые преграды!

Настанет, таким образом, момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господя, кроме своего разума... Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода».

Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума // Антология мировой философии. Т.2. — М., 1970. — С. 686, 689, 691.

13. Основываясь на предложенном фрагменте Ж.Ж. Руссо, попытайтесь определить основные положения его философско-исторической концепции.

Я замечаю двоякое неравенство в человеческом роде: одно, которое я назову естественным или физическим, так как оно установлено природой, состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств. Другое же может быть названо нравственным или политическим, так как оно зависит от своего рода договора и установлено или, по крайней мере, стало правомерным с согласия людей. Оно состоит в различных привилегиях, которыми одни пользуются к ущербу других, в том, например, что одни более богаты, уважаемы и могущественны, чем другие, или даже заставляют их повиноваться себе<...>

Способность к совершенствованию, которая при содействии различных обстоятельств ведет к постепенному развитию всех остальных способностей. Она так же присуща всему нашему роду, как и каждому индивидууму, тогда как животное по истечении нескольких месяцев будет тем, чем останется оно всю свою жизнь, а его вид через тысячу лет тем же, чем был в первом году этого тысячелетия.

<...> Печально было бы, если бы пришлось признать, что эта своеобразная и почти безграничная способность является источником почти всех человеческих несчастий, что она, в союзе с временем, выводит в конце концов человека из того первобытного состояния, в котором он вел спокойную и невинную жизнь, что она, способствуя в течение целого ряда веков расцвету его знаний и заблуждений, пороков и добродетелей, заставляя его сделаться тираном над самим собой и природой<...>

У всех народов мира умственное развитие находится в соответствии с теми потребностями, которые породила в них природа или заставили приобрести обстоятельства, и,

следовательно, с теми страстями, которые побуждают их заботиться об удовлетворении этих потребностей.

<...> Я отметил бы то обстоятельство, что северные народы опережают в общем южные в области промышленности, так как им труднее без нее обойтись, и что, следовательно, природа, как бы стремясь установить известное равенство, наделила умы продуктивностью, в которой отказала почве. Но если даже мы и не станем прибегать к мало-надежным свидетельствам истории, разве не ясно для всякого, что все как бы намеренно удаляет от дикаря искушения и средства выйти из того состояния, в котором он находится. Его воображение ничего ему не рисует, его сердце ничего не требует. Все, что нужно для удовлетворения его скромных потребностей, у него под рукой, он настолько далек от уровня знаний, обладать которыми необходимо, чтобы пожелать приобрести еще большие, что у него не может быть ни предусмотрительности, ни любознательности<...>

Не имея никакого нравственного общения между собой, не признавая за собою никаких обязанностей по отношению к себе подобным, люди не могли быть, по видимому, в этом состоянии ни хорошими, ни дурными и не имели ни пороков, ни добродетелей, если только мы не будем, понимая слова эти в физическом смысле, называть пороками в индивидууме те качества, которые могут препятствовать его самосохранению, и добродетелями те, которые могут ему способствовать; но в таком случае наиболее добродетельным пришлось бы назвать того, кто менее других противится внушениям природы...

После того как я доказал, что неравенство едва заметно в естественном состоянии и его влияние там почти ничтожно, мне остается показать, как возникает оно и растет в связи с последовательным развитием человеческого ума. После того как я доказал, что способность к совершенство-

ванию, общественные добродетели и прочие духовные свойства, которыми наделен был человек в естественном состоянии, не могли развиваться сами собой, что они нуждались для этого в содействии множества внешних причин, которые могли и вовсе не возникнуть и без которых он навсегда остался бы в первобытном состоянии, мне предстоит дать обзор и выяснить значение различных случайностей, которые могли способствовать совершенствованию человеческого разума, способствуя в то же время вырождению человечества, которые могли сделать человека существом злым, сделав его существом общежительным, и дойти от эпохи бесконечно далекой до той поры, когда человек и Вселенная стали такими, какими мы их видим<...>

Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказал: «Это мое» — и нашел людей, достаточно простых, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!» Но весьма вероятно, что дела не могли уже тогда оставаться дольше в том положении, в каком они находились. Идея собственности, зависящая от многих идей предшествующих, которые могли возникнуть лишь постепенно, не внезапно сложилась в уме человека. Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний, передавать и умножать их из века в век, чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния...

Я проношусь стрелой через длинную вереницу веков, так как время идет: рассказать мне нужно о многом, а движение прогресса вначале почти что неуловимо, и чем мед-

леннее следовали друг за другом события, тем скорее можно описать их. Первые завоевания человека открыли ему наконец возможность делать успехи более быстрые. Чем больше просвещался ум, тем больше развивалась промышленность. Люди не располагались уже на ночлег под первым попавшимся деревом и не прятались в пещерах. У них появилось нечто вроде топоров. С помощью твердых и острых камней они рубили деревья, копали землю и строили из древесных ветвей хижины, которые научились впоследствии обмазывать глиной или грязью. Это была эпоха первого переворота. Образовались и обособились семьи; появились зачатки собственности, а вместе с этим уже возникли, быть может, столкновения и раздоры<...>

Пока люди довольствовались сельскими хижинами, шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных колючек или рыбьих костей, украшали себя перьями или раковинами, разрисовывали свое тело в различные цвета, улучшали или делали более красивыми свои луки и стрелы, выдалбливали острыми камнями немудрящие рыбачьи лодки или выделывали с помощью тех же камней грубые музыкальные инструменты, словом, пока они выполняли лишь такие работы, которые были под силу одному, и разрабатывали лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений. Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых скоро взошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета.

Великий переворот этот произвело изобретение двух искусств: обработки металлов и земледелия. В глазах поэта — золото и серебро, а в глазах философа — железо и хлеб цивилизовали людей и погубили род человеческий<...>

Все способности наши получили теперь полное развитие. Память и воображение напряженно работают, самолюбие всегда настоюще, мышление стало деятельным, и ум почти достиг уже предела доступного ему совершенства. Все наши естественные способности исправно несут уже свою службу; положение и участь человека стали определяться не только на основании его богатства и той власти приносить пользу или вред другим, какой он располагает, но также на основании ума, красоты, силы или ловкости, заслуг или дарований, а так как только эти качества могли вызывать уважение, то нужно было иметь их или делать вид, что имеешь. Выгоднее было казаться не тем, чем был в действительности; быть и казаться — это для того времени уже вещи различные, и это различие вызвало появление ослепляющего высокомерия, обманчивой хитрости и пороков, составляющих их свиту. С другой стороны, из свободного и независимого, каким был человек первоначально, он превратился как бы в подвластного всей природе, особенно же ему подобным, рабом которых до некоторой степени он становится, даже становясь их господином. Если он богат, он нуждается в их услугах, если он беден, то нуждается в их помощи, и даже при среднем достатке он все равно не в состоянии обойтись без них. Он должен поэтому постоянно стараться заинтересовать их в своей судьбе, заставить их находить действительную или мнимую выгоду в том, чтобы содействовать его благополучию, а это делает его лукавым и изворотливым с одними, надменным и жестоким с другими и ставит его в необходимость обманывать тех, в ком он нуждается, если он не может заставить их себя бояться и не находит выгодным у

них заискивать. Ненасытное честолюбие, страсть увеличивать свое благосостояние, не столько ввиду истинных потребностей, сколько для того, чтобы стать выше других, внушают всем людям низкую склонность вредить друг другу и тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто прикрывается личиной благожелательности. Словом, конкуренция и соперничество, с одной стороны, а с другой — противоположность интересов и скрытое желание обогатиться за счет другого — таковы ближайшие последствия возникновения собственности, таковы неотлучные спутники нарождающегося неравенства.

Прежде чем изобретены были особые знаки, заменяющие всякие ценности, богатство могло состоять почти исключительно в землях и стадах скота, являвшихся единственными реальными благами, которыми могли владеть люди. Но когда поземельные владения, переходившие по наследству из рода в род, настолько увеличились в числе и размерах, что покрыли собою всю землю и соприкасались между собою, то одни из них могли возрастать уже только на счет других. Те люди, которые остались ни при чем, благодаря тому что слабость или беспечность помешали им в свою очередь приобрести земельные участки, стали бедняками, ничего не потеряв, потому что не изменились, когда все изменилось вокруг них, и принуждены были получать пропитание из рук богатых или же похищать его у них. Отсюда возникли мало-помалу, в зависимости от различий в характере тех и других, господство и рабство или насилия и грабежи. Богатые же, со своей стороны, едва ознакомившись с удовольствием властвовать, стали скоро презирать всех остальных и, пользуясь прежними рабами для подчинения новых, только и помышляли, что о порабощении и угнетении своих соседей, подобно прожорливым волкам, которые, раз отведав человеческого мяса, от-

вергают всякую другую пищу и желают пожирать только людей.

Таким образом, наиболее могущественные или наиболее бедствующие, основываясь на своей силе или своих нуждах, стали приписывать себе своего рода право на имущество другого, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали жесточайшие смуты. Захваты богатых, разбои бедных, разнуданные страсти и тех и других, заглушая естественное сострадание и слабый еще голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Началась бесконечная борьба между правом сильного и правом первого завладевшего, приводившая к постоянным столкновениям и убийствам. Возникающее общество стало театром ожесточеннейшей войны. Погрязший в преступлениях и пороках и впавший в отчаяние род человеческий не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от сделанных им злосчастных приобретений; употребляя во зло свои способности, которые могли служить лучшим его украшением, он готовил себе в грядущем только стыд и позор и сам привел себя на край гибели<...>

Если мы проследим за прогрессом неравенства в связи с этими различными переворотами, то увидим, что возникновение законов и права собственности было начальным пунктом этого прогресса, установление магистратуры — вторым, а третьим, и последним, — изменение правомерной власти в основанную на произволе; так что различие между богатым и бедным было узаконено первой эпохой, различие между сильным и слабым — второй, а третьей — различие между господином и рабом. Это — последняя ступень неравенства, тот предел, к которому приводят все остальные, если только новые перевороты не уничтожат совершенно управления или не приблизят его к правомерному устройству...

Я попытался изложить историю происхождения и развития неравенства, возникновения политических обществ и злоупотреблений, которым открывают они место, насколько все это может быть выведено из природы человека, при свете одного только разума и независимо от священных догм, дающих верховной власти санкцию божественного права. Из изложения этого видно, что неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет в зависимости от развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится наконец прочным и правомерным благодаря возникновению собственности и законов. Из него следует далее, что нравственное неравенство, узаконенное одним только положительным правом, противно праву естественному, поскольку оно не совпадает с неравенством физическим. Это различие достаточно ясно показывает, что должны мы думать о том виде неравенства, которое царит среди всех цивилизованных народов, так как естественное право, как бы мы его ни определяли, очевидно, не может допустить, чтобы дитя властвовало над старцем, чтобы глупец руководил мудрецом и горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство нуждается в самом необходимом<...>.

Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства // Антология мировой философии. В 4 т. М., 1970. – Т. 2. – С. 560 – 567.

14. Какие факторы, по мнению Дидро, способствуют образованию общества?

Люди созданы, чтобы жить в обществе. Если бы бог желал, чтобы каждый человек жил в одиночку, отдельно от других людей, он наделил бы его качествами, необходимыми и достаточными для подобной отшельнической жизни. Он отверг это, очевидно, потому, что желал, чтобы сре-

ди людей возник более тесный союз, который постепенно создали бы узы крови и рождения. Несомненными доказательствами такой воли создателя являются большинство людских способностей, их естественных привязанностей, их слабость и потребности. Действительно, природа и строение человека таковы, что вне общества он не мог бы ни сохранить свою жизнь, ни развить и улучшить свои способности и таланты, ни добыть себе подлинное и прочное счастье. Спрашивается, что стало бы с ребенком, если бы его нужды не удовлетворяли благодетельные и заботливые руки? Он погиб бы, если бы никто о нем не позаботился. Но и в дальнейшем его слабое и беспомощное состояние продолжает требовать помощи. Посмотрите на юношу – в нем обнаружите лишь дерзость, невежество, смутные представления. Предоставленный самому себе, он может стать чем-то вроде дикого животного, не ведающего никаких жизненных удобств, погрязшего в праздности, терзаемого скукой и губительными тревогами. Дожив до возврата немощей – старости, мы становимся почти такими же зависимыми от других, как в неразумном детстве, а из-за несчастий и болезней эта зависимость оказывается еще более ощутимой. Очень хорошо изобразил это Сенека ("О благодеяниях", кн. IV, гл. XVIII): "От чего зависит наша безопасность, как не от взаимных услуг. Только обмен благодеяниями делает жизнь удобной и дает нам возможность защититься от оскорблений и неожиданных нападений. Какой удел выпал бы роду человеческому, если бы каждый жил отдельно? Сколько людей, столько было бы жертв, добычи для других животных, легко проливающейся крови, словом, полного бессилия. В самом деле, у других животных хватает сил для самозащиты; и те из них, кому кровожадность не позволяет жить стадами и кто должен бродяжить, рождаются как бы вооруженными, в то время как человек во всем бессилен и лишен оружия – зубов и когтей.

Однако, объединяясь с себе подобными, он обретает те силы, которых ему не хватает в одиночестве. Чтобы его вознаградить, природа дала ему два свойства, предоставляющие ему превосходство над животными, – я имею в виду разум и общительность; благодаря им тот, кто в одиночку не мог никому противиться, становится всем. Общество дает ему власть над другими животными. Благодаря обществу он не довольствуется родной стихией, но простирает свою власть на море. Тот же союз оделяет его лекарствами от болезней, помощью в старости, дает утешение в горестях и печалях. Он же, так сказать, дает ему силу бороться с судьбой. Уничтожьте общительность, и вы разрушите единство рода человеческого, от которого зависит сохранение жизни и все ее счастье".

Общество настолько необходимо человеку, что бог наделил его именно таким строением и такими способностями и талантами, которые нужны ему для жизни в обществе. Например, дар речи не имел бы вне общества никакого применения, но он дает нам возможность с большой легкостью и быстротой обмениваться мыслями. То же можно сказать о склонности к подражанию и о том чудесном механизме, который позволяет страстям и всем душевным переживаниям легко передаваться от одного мозга к другому: ведь достаточно одному человеку взволноваться, как и мы за него волнуемся и ему соболезуем. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Если кто-то подходит к нам с радостным лицом, он возбуждает в нас чувство радости; нас трогают слезы незнакомца еще прежде, чем мы узнали их причину, а крики человека заставляют нас – лишь потому что это человек – бежать к нему на помощь, повинувшись какому-то машинальному побуждению, предваряющему любое раздумье. И это еще не все. Мы видим, что природа неравно разделила и распределила между людьми таланты, предоставив одним способность хорошо

делать некоторые вещи, что совершенно невозможно для других, в то время как последние в свою очередь обладают мастерством, в котором отказано первым. Таким образом, природные потребности людей делают их зависимыми друг от друга, а разнообразие дарований, способствующее их взаимной помощи, связывает и объединяет их. Все это явные признаки предназначенности человека для общества.

Если же мы рассмотрим свои склонности, то почувствуем, что наше сердце тоже, естественно, желает общения с себе подобными и страшится полного одиночества, как докучного состояния забывчивости и беспомощности. И если поискать, откуда у нас эта связующая склонность к общению, окажется, что она очень кстати дана нам творцом нашего бытия, так как именно в обществе человек находит удовлетворение всех своих нужд и применение большинству своих способностей. Именно в нем он может в особенности испытать и проявить свои чувства, которым природа придала столько нежности, благожелательности, дружбы, сострадания, великодушия. Ведь в том и очарование этих побуждающих к общению чувств, что они рожают наши самые чистые удовольствия. Действительно, нет ничего более удовлетворяющего, приятного и лестного, чем думать, что заслуживаешь уважения и дружбы других; меньше обретает новую ценность, когда оно может проявиться во вне, и самая живая радость – та, что блещет благодаря тебе в глазах других или объяла сердце друга; общаясь, она удваивается, ибо к нашему собственному удовольствию присоединяется приятная мысль о том, что мы доставили его также и другим; тем самым мы еще больше связываем их с собой. Напротив, горе, разделенное с кем-либо, уменьшается и смягчается, подобно тому, как облегчается ноша, когда услужливая рука помогает нам нести ее. Таким образом, все побуждает нас к общественному состоянию: потребности – по необходимости, склон-

ность – ради удовольствия, а предрасположение к нему, которым мы наделены природой, показывает нам, что таково было действительное намерение нашего создателя. Христианство признает святость отшельников, но предписывает им в качестве высшего закона милосердие и справедливость, тем самым предполагая у них постоянную связь с ближними. Однако, не останавливаясь здесь на положении, в которое люди могут быть вознесены сверхъестественной силой, рассмотрим, как руководит ими человеческий разум.

Вся экономия человеческого общества опирается на следующий простой и общий принцип: я хочу быть счастливым, но я живу с другими людьми, которые, как и я, каждый со своей стороны хотят быть счастливыми; будем же искать средство обеспечить наше счастье, добывая тем самым счастье другим и уж во всяком случае никогда не вредя им. Этот принцип запечатлен в нашем сердце. Если творец, с одной стороны, внушил нам любовь к себе, то, с другой стороны, он же внедрил в нас чувство доброжелательности к себе подобным. Хотя эти две склонности отличаются друг от друга, но они не противоположны, и бог, вложивший их в нас, предназначил им действовать совместно, чтобы они помогали друг другу и ни в коем случае не губили себя. Добродетельные и щедрые сердца находят самое чистое удовольствие в оказании добра другим людям, ибо в этом они лишь следуют склонности, данной им природой.

Дидро Д. Общество // Философия в энциклопедии Дидро и Даламбера. – М., 1994. – С. 364 – 366.

15. Какие факторы, по мнению Ш.Л. Монтескье, определяют развитие общества, его дух и законы?

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей;

в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя — бог напоминает ему о себе и заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя — и философы направляют его законами морали; созданный для жизни и общества, он способен забывать своих ближних — и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно ознакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между

ними равенство исчезает, и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу — отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества — отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это международное право. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это право политическое. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это право гражданское.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны — победа; цель победы — завоевание; цель завоевания — сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату — холодному, жаркому или умеренному, — качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов, — степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Я сказал, что природа республиканского правления заключается в том, что там верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств; природа монархического — в том, что там этою властью обладает государь, управляющий, однако, в соответствии с установленными законами; природа деспотического образа правления — в том, что там управляет одно лицо по своей воле и прихотям. Вот все, что мне нужно для выяснения принципов этих трех видов правления; они естественно вытекают из этих определений.

Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. — С. 162, 165, 167, 179.

16. В чем, по мнению И.Г. Гердера, состоит многообразие и единство исторического процесса.

«От камня к кристаллу, от кристалла к металлам, далее к растительному миру, от растений к животным, от них к человеку — всюду мы видели, как совершенствовалась форма их организации, как вместе с ней все разнообразнее становились

силы и инстинктивные стремления созданий природы и как наконец все они объединились в образе человека... На человеке развитие останавливается; мы не знаем создания выше его, которое было бы многообразнее и искуснее организовано...

Но поскольку человеческий разум в любом многообразии ищет единства, а его прообраз, разум божественный, сочетал на земле бесчисленнейшие различия с единством, то и мы можем вернуться из необъятного мира изменений к самому простому положению: весь род человеческий на земле принадлежит к одной и той же породе...

Наш специфический характер заключается именно в том, что рожденные почти без инстинктов, мы только путем упражнения в течение всей жизни воспитываемся до уровня человечности, и на этом основывается наша способность как к совершенствованию, так и к порче, и разложению. Поэтому-то и история человечества обязательно должна быть единым целым, то есть цепью общения и воспитывающей традиции от первого до последнего звена...

В чем же заключается основной закон, который мы наблюдали во всех крупных исторических явлениях? Мне кажется, в том, чтобы на нашей земле всюду появилось то, что может на ней появиться, отчасти в зависимости от расположения и потребностей данного места, отчасти от условий и обстоятельств времени, отчасти от врожденного или развивающегося характера народов...

Живые человеческие силы — вот главная пружина истории человечества...

Оглянемся на тот пояс земного шара, который мы успели обозреть. Во всех установлениях народов от Китая до Рима, во всем разнообразии их государственного строя, а также во всех их военных и мирных изобретениях, при всех ужасах и ошибках народов, основной закон природы остался один: «Пусть человек будет человеком, пусть он строит свою жизнь так, как он считает наилучшим». Для этого люди овладевали своей

землей и устраивались, как могли... Если они заблуждались или останавливались на полпути унаследованной традиции, то они страдали от последствий своего заблуждения и искупали свою вину. Божество не связывало им руки ничем, кроме их собственной сущности, времени, места и живущих в них сил. И оно также никогда не помогало им в их ошибках чудесами, но предоставляло учиться на последствиях этих ошибок и самим исправлять их... Человека же Бог сделал богом на земле, заложив в него принцип самостоятельной деятельности и с самого начала заставив этот принцип действовать под влиянием внутренних и внешних потребностей природы человека. Человек не мог жить и при этом сохранить себя, не учась пользоваться разумом, а как только он начинал им пользоваться, перед ним хотя и распахивались двери к тысяче заблуждений и неудачных опытов, однако в то же время, и даже именно через эти заблуждения и неудачи, открывался путь к лучшему использованию разума. Чем скорее он распознает свои ошибки, чем энергичнее принимается за их исправление, тем дальше он продвигается, тем больше развивается в нем человечность...

Божество помогает нам только через наше усердие, наш разум, наши собственные силы. После того, как оно сотворило землю и все создания, лишённые разума, оно создало человека и сказало ему: «Будь моим подобием, богом на земле! Владей и господствуй! Произведи все благородное и прекрасное, что ты можешь создать из своей природы; я не могу помочь тебе чудесами, потому что я вложил твою человеческую судьбу в твои человеческие руки; но тебе будут помогать все священные, вечные законы природы...»

Гердер Г. Идеи о философии истории человечества // Избр. соч. – М.: Л., 1959. – С. 227, 230, 244, 248, 270, 271, 273.

17. Сопоставьте тексты Ж. Кондорсе, И.Г. Гердера и Г.В.Ф. Гегеля. Какая идея отличает Гегеля от философов-просветителей? Чем «разум» Гегеля отличается от «разума» Кондорсе?

То положение, что живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют, могло представляться и представлялось сомнительным, много раз оспаривалось и вызывало насмешки и пренебрежение как пустая фантазия и философия. Но я с самого начала высказался относительно этого и отстаивал наше предположение... и нашу веру в то, что разум правит миром и что таким образом он господствовал и во всемирной истории.

*Гегель Г.В.Ф. Философия истории.
Соч. Т. 8. – М.:Л., 1935. – С. 25.*

Всемирная история есть необходимое только из понятия свободы духа, развитие моментов разума и тем самым самосознания и свободы духа – истолкование и осуществление всеобщего духа...

История духа есть его деяние...

Постигая то, что он есть, он становится более высоким образом по сравнению с тем, который составляет его бытие...

Государства, народы и индивиды выступают в этом деле мирового духа в их особенном определенном начале... Они одновременно служат бессознательными орудиями и органами того внутреннего дела, в котором эти образы переходят, а дух в себе и для себя подготавливает и разрабатывает себе переход на свою следующую, более высокую ступень...

Поскольку они выступают как живые воплощения субстанциального деяния мирового духа и тем самым не-

посредственно тождественные этому деянию, оно остается для них скрытым и не служит им объектом и целью.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 370–372.

18. В чем сущность гегелевской концепции исторического процесса?

В ней (во всемирной истории) тот необходимый момент идеи мирового духа, который есть в данное время его ступень, обретает свое абсолютное право, и живущий на этой ступени мирового духа народ и его деяния обретают свое осуществление и счастье, и славу...

Так как история есть формирование духа в образе происходящего, непосредственной природной действительности, то ступени развития наличны как непосредственные природные начала, ... причем таким образом, что на долю одного народа приходится одно из этих начал – это его географическое и антропологическое существование...

Народу, которому такой момент присущ как природное начало, передано его осуществление в поступательном движении развивающегося самосознания мирового духа. Этот народ господствующий во всемирной истории, для данной эпохи – и составить во всемирной истории эпоху он может... лишь один раз. По отношению к этому его абсолютному праву, быть выразителем данной ступени в движении мирового духа, духи других народов бесправны, и они, подобно тем, чья эпоха минула, больше не принимаются в расчет во всемирной истории...

Таким образом, более высокое начало выступает в нем только как негативное его собственного. Этим намечается переход духа в это более высокое начало, а тем самым и всемирной истории к другому народу...

Существуют четыре начала образования этого самосознания в ходе его освобождения...

Этим четырём началам соответствуют четыре всемирно-исторических царства: 1) восточное, 2) греческое, 3) римское, 4) германское.

*Гегель Г.В.Ф. Философия права.
– М., 1990. – С. 371, 372, 374.*

19. В чем Гегель видел смысл мирового процесса, назначение человека и содержание истории? В чем состоит, по его мнению, «хитрость мирового разума»?

Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и при том таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы, и лишь они играют главную роль. Конечно, там можно найти и общие цели, желание добра, благородную любовь к отечеству; но эти добродетели и это всеобщее играют ничтожную роль в отношении к миру и к тому, что в нем творится... Наоборот, страсти, своекорыстные цели, удовлетворение эгоизма имеют наибольшую силу...

Итак, мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью... – то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершалось без страсти. В наш предмет входит два момента: во-первых, идея; во-вторых, человеческие страсти; первый момент составляет основу, второй является утком великого ковра развернутой перед нами всемирной истории.

*Гегель Г.В.Ф. Философия истории //
Гегель Г.В.Ф Сочинения Т. 8. – С. 20, 23.*

Всеобщее является моментом творческой идеи, моментом стремящейся к себе самой и вызывающей движение истины. Историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится такое всеобщее...

Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанционный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть героями...

Другие идут за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Далее, если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, оказывается, что эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, они их ссылают, как Наполеона на остров Св. Елены...

Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель.

*Гегель Г.В.Ф. Философия истории.
Гегель Г.В.Ф. Сочинения Т. 8. – С. 28–30, 32.*

20. Как Гегель определяет понятие «гражданское общество»?

Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который один только воздает свое каждому определению идеи. Когда государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то этим разумеют лишь определение гражданского общества. Многие новейшие государствоведы не могли додуматься до другого воззрения на государство. В гражданском обществе каждый для себя — цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других. Так как особенность связана с условием всеобщности, то целое есть почва опосредствования, на которой дают себе свободу все частности, все случайности рождения и счастья, в которую вливаются волны всех страстей, управляемых лишь проникающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой всякая особенность способствует своему благу...

Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – М.; Л., 1990. Т. 7. – С. 227 – 228.

21. Что Маркс и Энгельс называют «предпосылками» всякой человеческой истории. Считаете ли Вы правильным при рассмотрении истории исходить из этих предпосылок?

Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении.

Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью<...>

Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе<...>

Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что.

*Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 18, 19, 26.*

22. Назовите основные элементы социальной системы, по Марксу? В чем суть материалистического понимания истории с его точки зрения? Объясните понятие «социальная революция». Назовите основные предпосылки социальной революции. Как определяет Маркс понятие «общественно-экономическая формация»? Какие общественно-экономические формации выделяет Маркс?

Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую

структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще.

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отноше-

ния никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Потому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С. 5 – 9.

23. Чем отличается развитие общества от развития природы? Какую роль в истории, по мнению Энгельса, играет человеческое сознание?

История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на

нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс. К Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 305–306.

Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае собирают, тогда как люди производят. Уже одно это – единственное, но фундаментальное – различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных обществ на человеческое общество.

Энгельс Ф. Письмо П.Л.Лаврову // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 137.

24. Какие факторы, с точки зрения русского мыслителя Л.И. Мечникова, определяют развитие человеческой цивилизации?

Всякая жизнь на земле проявляется благодаря израсходованию известного количества света и тепла, единственным источником которого для нас служит солнце, но различные части земли получают живительные лучи не в одинаковых количествах и не под одним и тем же углом

наклонения, а мы знаем, что нагревательная сила солнечного луча, изменяется в прямом отношении к косинусу угла широты.

И действительно, поверхность земли разделяется на несколько климатических поясов, находящихся в неодинаково благоприятных положениях для развития в них органической и неорганической жизни.

Климат и положение двух околополярных поясов, представляют лишь слабую возможность развития растительной и животной жизни, делают невозможным развитие могущественных общественных организаций в их области. Поэтому роль этих климатических поясов в истории весьма ничтожна.

Жаркому поясу с его чудной флорой и фауной в свою очередь, по крайней мере, до сих пор, не пришлось быть местом рождения культур, занимающих почетные страницы во всемирной истории. Слишком могучее и, так сказать, излишнее развитие органической жизни во всех ее формах, служит в ущерб развитию энергии и интеллектуальных способностей у населения; обитатели жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны все необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине, лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной деятельности.

Великие исторические культуры, по крайней мере, в Старом свете, сосредоточены исключительно в умеренных широтах или точнее в северном умеренном поясе, так как таковой же южный, почти целиком занят водами.

Но с момента наступления классического периода истории, культуры, наследование Египту и Ассирию — Вавилонии, начинают постепенно, но неустанно двигаться по направлению к северу или вернее к северо-западу к Средиземному морю, а затем через Западную Европу к Соеди-

ненным Штатам Северной Америки. Такое отклонение цивилизационного потока невольно вызывает на сближение между ним и аналогичным, хотя и в противоположную сторону отклонением великих воздушных течений: муссонов и пассатов.

Не играя той доминирующей и всеисчерпывающей роли, которую ей приписывает обобщение этого писателя (П. Мужолль), влияние географической широты тем не менее очень заметно в истории.

Простая случайная особенность природы какой-либо местности зачастую оказывает чисто местное, неожиданное, но тем не менее весьма решительное влияние на судьбы обитателей этой страны, например, японцы обязаны своей национальной обособленностью и целостностью морскому течению Куроисио и подводным камням весьма опасным. Точно так же туманы и морские течения, омывающие Британские острова, оказались во времена непобедимой Армады покровителями пуританской Англии против слишком католической ярости Филиппа II. Со многих точек зрения можно считать государственное устройство Соединенного Королевства простым результатом его положения на острове. Альпы послужили колыбелью и защитой швейцарских общин. Наконец Пиринеи защищали льготы и привилегии горных басков несравненно энергичнее, нежели королевские хартии.

Фауна и флора могут также решительно влиять на исторические и социальные судьбы народов. Страны, изобилующие лесами, населенными дикими животными, как например Сибирь или Манчжурия, способствуют образованию охотничьих наклонностей у населения; и наоборот, население может обратиться к пастушескому образу жизни, может превратиться в номадов при наличии в данном месте обширных травяных степей, льяносов, пампасов и т. д.

Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. – СПб., 1898. – С. 36, 38, 41–43.

25. В чем суть учения О. Канта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества. На какой стадии, по мнению Канта, возникает наука об обществе?

Изучая, таким образом, весь ход развития человеческого ума в различных областях его деятельности от его первоначального проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл великий основной закон, которому это развитие в силу неизменной необходимости подчинено и который может быть твердо установлен либо путем рациональных доказательств, доставляемых познанием нашего организма, либо посредством исторических данных, извлекаемых при внимательном изучении прошлого. Этот закон заключается в том, что каждая из наших главных концепций, каждая отрасль наших знаний последовательно проходит три различных теоретических состояния: состояние теологическое или фиктивное; состояние метафизическое или отвлеченное; состояние научное или позитивное. Другими словами, человеческий разум в силу своей природы в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, характер которых существенно различен и даже прямо противоположен: сначала методом теологическим, затем метафизическим и, наконец, позитивным. Отсюда возникают три взаимно исключающих друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений; первая есть необходимый отправной пункт человеческого ума; третья — его определенное и окончательное состояние; вторая предназначена служить только переходной ступенью.

В теологическом состоянии человеческий ум, направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, на первые и конечные причины всех поражающих его явлений, стремясь, одним словом, к абсолютному знанию, рассматривает явления как продукты прямо-

го и непрерывного воздействия более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В метафизическом состоянии, которое в действительности не что иное, как общее видоизменение теологического состояния, сверхъестественные факторы заменены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракциями), нераздельно связанными с различными предметами, которым приписывается способность самостоятельно порождать все наблюдаемые явления, а объяснение явлений сводится к определению соответствующей ему сущности.

Наконец, в позитивном состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной и от познания внутренних причин явлений и всецело сосредоточивается, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, на изучении их действительных законов, т.е. неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение фактов, приведенное к его действительным пределам, является отныне только установлением связи между различными частными явлениями и некоторыми общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки.

Теологическая система достигла наивысшей степени доступного ей совершенства, когда она поставила провиденциальное действие единого существа на место разнородных вмешательств многочисленных, не зависящих друг от друга божеств, существование которых первоначально предполагалось. Точно так же и крайний предел метафизической системы состоит в замене различных частных сущностей одной общей великой сущностью, природой, рассматриваемой как единственный источник всех явлений.

Равным образом совершенство, к которому постоянно, хотя, весьма вероятно, безуспешно, стремится позитивная система, заключается в возможности представить все наблюдаемые явления как частные случаи одного общего факта, как, например, тяготение.

Здесь не место подробно доказывать этот основной закон развития человеческого разума и выводить наиболее важные его следствия. Мы рассмотрим его с надлежащей полнотой в той части нашего курса, которая посвящена изучению социальных явлений. Я говорю о нем теперь только для того, чтобы точно определить истинный характер позитивной философии, сопоставляя ее с двумя другими философскими системами, которые до последнего времени господствовали последовательно над всей нашей умственной деятельностью. Но чтобы не оставлять совершенно без доказательства столь важный закон, который часто придется применять в этом курсе, я ограничусь здесь беглым указанием на самые общие и очевидные соображения, доказывающие его справедливость.

Во-первых, достаточно, мне кажется, провозгласить такой закон, чтобы его справедливость была тотчас же проверена всеми, кто несколько глубже знаком с общей историей наук. В самом деле, нет ни одной науки, достигшей в настоящее время позитивного состояния, которую в прошлом нельзя было бы себе легко представить, состоящей преимущественно из метафизических отвлечений, а в более отдаленные эпохи даже и находящейся всецело под влиянием теологических понятий. В различных частях этого курса мы, к сожалению, не раз должны будем признать, что даже наиболее совершенные науки сохраняют еще теперь некоторые весьма заметные следы этих двух первоначальных состояний.

Это общее изменение человеческого разума может быть теперь легко установлено весьма осязательным, хотя и кос-

венным, путем, а именно рассматривая развитие индивидуального ума. Так как в развитии отдельной личности и целого вида отправной пункт необходимо должен быть один и тот же, то главные фазы первого должны представлять основные эпохи второго. И не вспомнит ли каждый из нас, оглянувшись на свое собственное прошлое, что он по отношению к своим важнейшим понятиям был теологом в детстве, метафизиком в юности и физиком в зрелом возрасте? Такая проверка доступна теперь всем людям, стоящим на уровне своего века.

Но кроме общего или индивидуального прямого наблюдения, доказывающего справедливость этого закона, я должен в этом кратком обзоре особенно указать еще на теоретические соображения, заставляющие чувствовать его необходимость.

Наиболее важное из этих соображений, почерпнутое в самой природе предмета, заключается в том, что во всякую эпоху необходимо иметь какую-нибудь теорию, которая связывала бы отдельные факты; создавать же теории на основании наблюдений было, очевидно, невозможно для человеческого разума в его первоначальном состоянии.

Все здравомыслящие люди повторяют со времени Бэкона, что только те знания истинны, которые опираются на наблюдения. Это основное положение, очевидно, бесспорно, если его применять, как это и следует делать, к зрелому состоянию нашего ума. Но относительно образования наших знаний не менее очевидно, что человеческий разум первоначально не мог и не должен был мыслить таким образом. Ибо если, с одной стороны, всякая позитивная теория необходимо должна быть основана на наблюдениях, то, с другой — для того, чтобы заниматься наблюдением, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если бы, созерцая явления, мы не связывали их с какими-нибудь принципами, то для нас было бы совершенно невозможно

не только сочетать эти разрозненные наблюдения и, следовательно, извлекать из них какую-либо пользу, но даже и запоминать их; и чаще всего факты оставались бы незамеченными нами.

Таким образом, под давлением, с одной стороны, необходимости делать наблюдения для образования истинных теорий, а с другой — не менее повелительной необходимости создавать себе какие-нибудь теории для того, чтобы иметь возможность заниматься последовательным наблюдением, человеческий разум должен был оказаться с момента своего рождения в заколдованном кругу, из которого он никогда не выбрался бы, если бы ему, к счастью, не открылся единственный выход благодаря самопроизвольному развитию теологических понятий, объединивших его усилия и давших пищу его деятельности. Таково независимо от связанных с ним важных социальных соображений, которых я не могу теперь касаться, основное положение, доказывающее логическую необходимость чисто теологического характера первоначальной философии.

Эта необходимость становится еще более осязательной, если обратить внимание на полное соответствие теологической философии с самой природой тех исследований, на которых человеческий разум в своем младенчестве преимущественно сосредоточивает свою деятельность.

Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. — М., 1971. — С. 553 — 556.

26. Сформулируйте основную идею, высказанную О. Контом в предложенном фрагменте его работы.

Если рассматривать с высшей научной точки зрения все человеческое развитие в его целом, то прежде всего мы придем к такому в общем пониманию: это развитие в су-

ществленных чертах состоит в том, что все более и более выделяются характерные способности человечества по сравнению с таковыми же способностями животного мира, являющимися для нас общими со всем органическим царством, хотя последние по необходимости продолжают составлять первоначальную основу человеческого существования, как и всякой иной животной жизни».

С такой философской точки зрения, наша социальная эволюция фактически является лишь самым внешним итогом общего прогресса, который происходит непрерывно через все живое царство от простых растений и самых низших животных, затем переходит по порядку к простейшим двуполым животным, потом подымается до птиц и млекопитающих, а среди последних мало-помалу доходит до плотоядных и обезьян; при этом необходимый перевес чисто органических функций повсеместно отступает все более и более на задний план, и, напротив, развитие анимальных функций в собственном смысле, главным образом, развитие интеллектуальных и моральных функций, все более и более стремится к достижению жизненного влияния опять-таки, даже при высшем совершенстве человеческой природы, никогда не может быть достигнуто до конца.

Таким путем обнаруживается... существенный характер нашего социального организма, если ограничиться сперва рассмотрением его чисто-статического состояния и абстрагироваться от необходимого его движения. Но этот характер должен, естественно, еще яснее выступить при непосредственном изучении его постоянных изменений, как это легко подтверждает первая же общая оценка его постепенного последовательного хода развития.

Развивая в огромной и все растущей степени воздействие человека на внешний мир, цивилизация должна как будто прежде всего сосредоточивать наше внимание все

больше и больше на заботах одного лишь нашего материального существования, сохранение и улучшение которого, видимо, составляет главную цель большинства социальных действий. Но более глубокое исследование, напротив, доказывает, что это развитие обнаруживает постоянную тенденцию дать господство самым выдающимся способностям человеческой природы, будь то просто благодаря обеспеченности, которую оно неизбежно приносит собой в отношении физических потребностей, начинающих требовать к себе все меньше внимания, будь то благодаря непосредственным и постоянным толчкам, которые оно дает интеллектуальным функциям и даже социальным чувствам, при чем двойственное постепенное развитие последних, очевидно, неизбежно связано с этим развитием.<...>

Таким образом, мы должны при всяком изучении человечества избрать или, вернее, сохранить в качестве естественного и постоянного руководителя всеобщую историю человеческого духа. При этой интеллектуальной истории мы должны, главным образом, заняться рассмотрением самых общих и самых абстрактных идей, требующих более специального участия наших самых выдающихся умственных способностей, органы которых соответствуют передней части лобной области. Таким образом, при рациональном порядке нашего исторического анализа неизбежно должна идти впереди последовательная оценка основной системы человеческих воззрений в отношении совокупности явлений, короче говоря, всеобщая история философии, каков бы ни был ее фактический характер: теологический, метафизический или позитивный.

Конт О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного прогресса человечества // Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 116 – 176, 122.

27. Что нового вносит Н.Я. Данилевский в концепцию исторического прогресса?

История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают — и умирают не от внешних только причин.

Прогресс... не составляет исключительной привилегии Запада, или Европы, а застой — исключительного клейма Востока, или Азии; тот и другой суть только характеристические признаки того возраста, в котором находится народ, где бы он ни жил, где бы ни развивалась его гражданственность, к какому бы племени он ни принадлежал.

Как в развитии человека можно различать или три возраста (несовершеннолетие, совершеннолетие и старость...), или четыре (детство, юность, возмужалость, старость), или даже семь (младенчество, отрочество, юность, молодость..., возмужалость, старость и дряхлость), так же точно можно отличать и различное число периодов развития в жизни исторических племен, что будет зависеть отчасти от взгляда историка, отчасти же от самого характера их развития...

Без подобного же различения — степеней развития от типов развития — невозможна и естественная группировка исторических явлений.

Формы исторической жизни человечества, как формы растительного и животного мира, как формы человеческого искусства..., как формы языков..., как проявления самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины и красоты, ...не только изменяются и совершенствуются по возрасту, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам. Поэтому... только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, — и можно отличать те формы исторического движения, которые обо-

значаются словами: древняя, средняя и новая история. Это деление есть только подчиненное, главное же должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития.

Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитский, или арабийский и 10) германороманский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные — от типов или цивилизаций преемственных...

Итак, или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые... цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала — вот три роли, которые могут выпасть на долю народа.

Начну прямо с изложения некоторых общих выводов или законов исторического развития, вытекающих из группировки его явлений по культурно-историческим типам.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою... составляет самобытный культурно-исторический тип...

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа...

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие...

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов... относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу.

...Бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении ... есть очевидная невозможность. ...Усложнение, нераздельное с совершенствованием, кладет необходимый предел существенному прогрессу...

Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества..., надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа.

...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 74 – 75, 82, 85, 88, 109.

28. Назовите основные идеи философско-исторической концепции О. Шпенглера. Какие из них созвучны взглядом Н.Я. Данилевского на исторический процесс. Что отличает концепцию Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера от концепции общественно-экономических формаций К. Маркса.

Древний мир — Средние века—Новое время вот та невероятно скудная и лишённая смысла схема, чьё абсолютное владычество над нашим историческим сознанием постоянно мешало правильному пониманию подлинного места, облика и, главным образом, жизненной длительности той части мира, которая сформировалась на почве Западной Европы со времени возникновения Германской империи, а также ее отношений к всемирной истории, т.е. общей истории всего высшего человечества.

Будущим культурам покажется совершенно невероятным, что никогда даже не было подвергнуто сомнению значение этой схемы, с ее наивной прямолинейностью, с ее бессмысленными пропорциями, этой схемы, от столетия к столетию все более и более теряющей всякий смысл и совершенно не допускающей включения новых открывающихся нашему историческому сознанию областей. Самые попытки критики и очень значительные изменения, которым она подверглась под влиянием необходимости, — так, например, перенесение начала «Нового времени» с крестовых походов на Ренессанс и далее, на начало XIX века — доказывают одно: ее до сих пор считают непоколебимой, почти за результат божественного откровения или, по крайней мере, за что-то очевидное, так сказать, за априорную форму исторического созерцания в том смысле, как говорит об этом Кант.

Но эта общепринятая форма не допускала никакого ее углубления, и так как от нее не хотели отказаться, то отказались от возможности действительно понять историческую связь. Ей мы обязаны тем, что большие морфологические проблемы истории совершенно не были обнаружены. Она поддерживала формально рассмотрение истории на том низком уровне, которого бы постыдились во всякой другой науке.

Достаточно указать на то, что эта схема устанавливает чисто внешнее начало и конец там, где в более глубоком смысле нельзя говорить ни о начале, ни о конце. По этой схеме страны Западной Европы являются покоящимся полюсом (математически говоря, точкою на поверхности шара), вокруг которого скромно вращаются мощные тысячелетия истории и далекие огромные культуры. Причем для всего этого нет другого основания, кроме разве того, что мы, авторы этой исторической картины, находимся как раз в этой точке. Это очень своеобразно придуманная планетная система. Один какой-то уголок принимается за центр тяжести исторической системы. Здесь солнце и центр этой системы. Отсюда события истории черпают настоящий свет. Отсюда устанавливается их значение и перспектива. Но в действительности это голос не сдерживаемого никаким скепсисом тщеславия западноевропейского человека, в уме которого развертывается фантом — «всемирная история». Этим объясняется вошедший в привычку огромный оптический обман, благодаря которому исторический материал целых тысячелетий, отделенный известным расстоянием, например, Египет или Китай, принимает миниатюрные размеры, а десятилетия, близкие к зрителю, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, приобретают причудливо-громадные размеры. Мы знаем, что это только одна видимость, что, чем выше облако, тем медленнее оно движется, и что медленность движения поезда в далеком

ландшафте только видимая, но мы убеждены, что темп ранней индийской, вавилонской и египетской истории был, действительно, медленнее темпа жизни нашего недавнего прошлого. И мы считаем их сущность более скудной, их формы слабее развитыми и более растянутыми именно потому, что не научились учитывать отдаленность, внешнюю и внутреннюю. Нигде с такой ясностью, как здесь, не выступает недостаток умственной свободы и самокритики, так невыгодно отличающий историческую методу от всякой другой.

Конечно, вполне понятно, что для культуры Запада, которая, скажем, начиная с Наполеона, распространяет свои формы, хотя бы и внешне, на весь земной шар, существование Афин, Флоренции и Парижа важнее, чем многое другое. Но возводить это обстоятельство в принцип построения всемирной истории потому только, что мы живем в данной культурной среде, значило бы обладать кругозором провинциала. Это давало бы право китайскому историку со своей стороны составить такой план всемирной истории, в котором обходились бы молчанием, как нечто неважное, крестовые походы и Ренессанс, Цезарь и Фридрих Великий. Практическому политику и критику социальных условий допустимо при оценке других эпох руководиться своим личным вкусом, точно так же как технолог-химик волен практически рассматривать область производных бензола как самую важную главу естествознания и совершенно не интересоваться электродинамикой, но мыслитель обязан устранить все личное из своих комбинаций. Почему XVIII столетие в морфологическом отношении важнее, чем одно из шестидесяти его предшествовавших? Разве не смешно противопоставлять какое-то «Новое время», охватывающее несколько столетий и притом локализованное почти исключительно в Западной Европе, «Древнему миру», который охватывает столько же тысячелетий и к кото-

рому сверх того присчитывают еще в виде прибавления всю массу догреческих культур, не пытаясь глубже расчлени- нить их на отдельные части? Чтобы спасти устаревшую схему, разве не трактовали в качестве прелюдий к античности Египет и Вавилон, завершенная в себе история кото- рых, каждая в отдельности, способна уравновесить так на- зываемую «всемирную историю» от Карла Великого до мировой войны и многое последующее? Разве не относили с несколько смущенной миной сложные комплексы индий- ской и китайской истории куда-то в примечания и разве просто не игнорировали великие американские культуры под тем предлогом, что они находятся вне связи (с чем?). Так мыслит негр, разделяющий мир на свою деревню, на свое племя и на «все остальное» и считающий, что луна много меньше облаков и что они ее проглатывают.

Я называю эту привычную для западного европейца схему, согласно которой все высокие культуры совершают свои пути вокруг нас как предполагаемого центра всего мирового процесса, птолемеевой системой истории и про- тивополагаю ей в качестве Коперникова открытия в обла- сти истории, изложенную в настоящей книге и заступаю- щую место прежней схемы, новую систему, согласно ко- торой не только античность и Западная Европа, но также Индия, Вавилон, Китай, Египет, Арабская культура и куль- тура майя рассматриваются как меняющиеся проявления и выражения единой, находящейся в центре всего жизни, и ни одно из них не занимает преимущественного положе- ния: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории, притом не- редко превышая эллинизм величием духовной концепции и мощью подъема.

Схема «Древний мир — Средние века — Новое вре- мя» передана нам церковью и есть создание гностики, т.е.

семитического, в особенности сиру иудейского, мироощущения в эпоху римской империи.

Внутри тех узких границ, которые являются предпосылкой этой концепции, она имела, несомненно, свои основания. Ни индийская, ни даже египетская история не попадают в круг ее наблюдений. Название «всемирная история» в устах этих мыслителей обозначает единичное, в высшей степени драматическое событие, сценой для которого послужила страна между Элладой и Персией. Здесь получает свое выражение строго дуалистическое мироощущение восточного человека, но не под углом зрения полярности, как противопоставление души и тела, как в современной ему метафизике, а под углом зрения периодичности, как катастрофа, как поворотный пункт двух эпох между сотворением мира и его концом, причем оставались совершенно вне внимания явления, не фиксированные, с одной стороны, античной литературой, с другой — Библией. В этой картине мира в образе «Древнего мира» и «Нового времени» выступает вполне очевидное в то время противоположение языческого и христианского, античного и восточного, статуи и догмы, природы и духа, формулируемое в плоскости времени как процесс преодоления одного другим. Исторический переход приобретает религиозные признаки искупления. Конечно, это — построенный на узких и скорее провинциальных взглядах, но логический и законченный в себе аспект, однако вполне связанный с определенной местностью и определенным типом человека и не способный ни к какому естественному расширению.

Только путем дополнительного прибавления третьей эпохи нашего «Нового времени» — уже на западноевропейской почве — в эту картину проникли элементы движения. Восточное противоположение было покоящейся, замкнутой, пребывающей в равновесии антитезой, с однократным божественным действием посредине. Этот стери-

лизованный фрагмент истории, воспринятый и усвоенный человеком нового типа, неожиданно получил развитие и продолжение в виде линии, причем никто не сознавал причудливости такой перемены; линия эта тянулась от Гомера или Адама — возможности в настоящее время обогатились индо-германцами, каменным веком и человеком-обезьяной — через Иерусалим, Рим, Флоренцию и Париж, в ту или другую сторону, в зависимости от личного вкуса историка, мыслителя или художника, с неограниченной свободой интерпретировавших эту тройственную картину.

Итак, к двум дополняющим друг друга понятиям, язычества и христианства, воспринятым во временной последовательности как исторические эпохи, прибавлено некоторое завершающее третье, «Новое время», которое, со своей стороны, странным образом не допускает дальнейшего применения того же приема и, будучи подвергнуто многократному «растяжению» после крестовых походов, оказалось неспособным к дальнейшему удлинению. Оставалось невысказанное ясно убеждение, что здесь, по ту сторону Древнего мира и Средних веков, начинается что-то заключительное, третье царство, заключавшее в себе в некотором роде исполнение, высшую точку или цель, честь открытия которой всякий, начиная со схоластиков до теперешних социалистов, приписывал исключительно себе. Это было столь же удобное, как и лестное для его авторов проникновение в ход вещей. С полной наивностью здесь были смешаны дух Запада со смыслом вселенной. В дальнейшем ошибка мысли была превращена в метафизическую добродетель трудами великих мыслителей, которые приняли эту *consensus omnium* освященную схему и, не подвергая ее серьезной критике, сделали базисом философии, возложив авторство своего «плана мироздания» на Бога. Мистическая триада эпох сама по себе представлялась в высшей степени привлекательной для метафизического вкуса. Гер-

дер называл историю воспитанием человеческого рода, Кант — развитием понятия свободы, Гегель — самораскрытием мирового духа, другие еще как-нибудь иначе. Но способность создавать исторические построения подобного рода в настоящее время истощилась.

Идея третьего царства была уже знакома аббату Иоахиму де Флорис (1202), связавшему три эпохи с символами Бога Отца, Сына и Святого Духа. Лессинг, неоднократно называвший свое время наследием античности, заимствовал эту идею для своего «Воспитания человеческого рода» (со ступенями детства, юности и возмужалости) из учения мистиков XIV столетия, а Ибсен, основательно развивающий ту же мысль в драме «Император и Галилеянин», в которой непосредственно вторгается гностическое мировоззрение в образ волшебника Максима, ни на шаг не ушел дальше в своей известной стокгольмской речи 1887 г. Связывать со своей личностью некоторую заключительную ступень является, очевидно, потребностью западноевропейского самоощущения.

Но совершенно недопустима подобная манера трактования всемирной истории, когда каждый предоставляет полную волю своему политическому, религиозному или социальному убеждению и придает трем фазам, к которым никто не смеет прикоснуться, направление, непосредственно приводящее к местонахождению самого автора; при этом за абсолютное мерило принимают зрелость разума, гуманность, счастье большинства, экономическое развитие, просвещение, свободу народов, подчинение природы, научное мировоззрение и тому подобное, и оценивают таким образом тысячелетия, доказывая, что они не поняли или не сумели достигнуть нужного, между тем как в действительности они стремились к чему-то другому, чем мы. «В жизни дело идет о жизни, а не о каком-либо результате ее», — это выражение Гете следовало бы противопоставить всем

безумным попыткам разгадать тайну исторической формы при помощи программы.

Ту же картину рисуют историки каждого искусства и науки, а также политической экономии и философии. Нам изображают историю живописи от египтян (или от пещерного человека) до импрессионизма, музыку — от слепого певца Гомера до Байрейта, общественное устройство — от жителей свайных построек до социализма, в форме линейного восхождения с какой-нибудь постоянной, неизменной тенденцией; при этом совершенно упускают из внимания возможность того, что искусства имеют определенно отмеренную жизненную длительность, что они привязаны к определенной стране и определенному человеческому типу в качестве его выражения, что, таким образом, все эти всеобщие истории не что иное, как внешнее и механическое соединение нескольких отдельных явлений, отдельных искусств, не имеющих между собой ничего общего, кроме имени и некоторых ремесленных технических приемов.

Этот взгляд на вещи не лишен комической стороны. Во всех других областях живой природы мы допускаем право выводить из каждого отдельного явления тот образ, который лежит в основе его существования, будь ли то путем опыта или интуитивного восприятия внутренней сути. Мы знаем, что жизненные явления животного и растения позволяют делать аналогичные заключения по отношению к родственным видам, что во всем живущем царит таинственный порядок, не имеющий ничего общего с законом, причинностью и числом, и извлекаем из этого морфологические выводы. Только в вопросах, касающихся самого человека, мы без всякого дальнейшего исследования принимаем когда-то давно установленную историческую форму его существования и к этой предвзятой теме подгоняем подходящие и неподходящие факты. Если факты не подходят — тем хуже для них. Мы говорим о них с презрением,

как, например, про историю Китая, или даже не достаиваем их взгляда, как, например, культуру майя. Они якобы «ничем не участвовали в построении всемирной истории», — выражение в высшей степени забавное.

О каждом отдельном организме мы знаем, что темп, образ и продолжительность его жизни, или каждого отдельного проявления жизни, является чем-то определенным. Никто не будет ожидать от тысячелетнего дуба, что именно теперь должно начаться его подлинное развитие. Никто не ожидает от гусеницы, с каждым днем растущей на его глазах, что этот рост может продолжиться еще несколько лет. Каждый в этом случае с полной уверенностью чувствует определенную границу, и это чувство является не чем иным, как чувством органической формы. Но по отношению к высшему человечеству в смысле будущего царит безграничный тривиальный оптимизм. Здесь замолкает голос всякого психологического и физиологического опыта, и каждый отыскивает в случайном настоящем «возможности» особенно выдающегося линейнообразного «дальнейшего развития» только потому, что он их желает. Здесь находят место для безграничных возможностей — но никогда для естественного конца и из условий каждого отдельного момента выводят в высшей степени наивно построенное продолжение.

Но у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. «Человечество» — пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем исторических форм, и на его месте перед нашими глазами обнаружится неожиданное богатство настоящих форм. Тут необычайное обилие, глубина и разнообразие жизни, скрытые до сих пор фразой, сухой схемой или личными «идеалами». Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее количество

противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть. Вот краски, свет, движение, каких не открывал еще ни один умственный глаз. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной длительностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому, как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гете, а не к мертвой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм. А присяжный историк видит в ней подобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращивающего эпоху за эпохой.

В этом случае историк также находится под злополучным влиянием географического предрассудка (чтобы не сказать — под впечатлением географической карты): география описывает Европу как часть света, вследствие чего он чувствует себя обязанным также привести соответствующее идеальное разграничение Европы и Азии. Следовало бы вычеркнуть слово «Европа» из истории. Не существует историческо-

го типа «европейца». Бессмысленно по отношению к эллинам говорить о «европейском древнем мире» (разве Гомер, Гераклит, Пифагор были «азиатами»?) и об их «миссии», заключавшейся в культурном сближении Азии и Европы. Все это слова, заимствованные из банального толкования географической карты и не имеющие за собой никакого реального основания. Слово «Европа» и возникший под его влиянием комплекс представлений были единственной причиной, заставлявшей наше историческое сознание объединять Россию и Европу в одно ничем не оправдываемое целое. В данном случае простая абстракция, возникшая в культурном кругу воспитанных на книгах читателей, привела к огромным реальным последствиям. Воплощенные в личности Петра Великого, они на целое столетие подменили историческую тенденцию примитивной народной массы, в противовес чему русский инстинкт с враждебностью, олицетворенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень правильно отграничивает «матушку Россию» от «Европы». Восток и Запад — понятия, полные настоящего исторического содержания. «Европа» — пустой звук. Все великие создания древности возникли под знаком отрицания какой-либо континентальной границы между Римом и Кипром, Византией и Александрией. Все, что носит имя европейской культуры, возникло на пространстве между Вислой, Адриатическим морем и Гвадалквивиром. И если допустить, что Греция во время Перикла «находилась в Европе», то теперь она там больше не находится».

Шпенглер О. Закат Европы // Философия истории. Антология. — М., 1995. — С. 158 — 165.

29. В чем принципиальная новизна взгляда О. Шпенглера на историю? Какова специфика метода «морфологического анализа» культуры, предложенного О. Шпенглером?

Культуры суть организмы. История культуры — их биография. Данная нам, как некоторое историческое явление в образе памяти, история китайской или античной культуры морфологически представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка. Если мы хотим узнать ее структуру, то сравнительная морфология растений и животных давно уже подготовила соответствующие методы. Феноменами отдельных, следующих друг за другом, рядом вырастающих, соприкасающихся, затеняющих и подавляющих одна другую культур исчерпывается все содержание истории. И если предоставить всем ее образам, которые до сего времени слишком основательно были скрыты под поверхностью тривиально протекающей так называемой «истории человечества», свободно проходить перед умственным взором, то, в конце концов, несомненно, удастся открыть тип, первообраз культуры как таковой, освобожденной от всего затемняющего и незначительного, и лежащей, как идеал формы, в основе всякой отдельной культуры...

Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Юная, робеющая, чреватая предчувствиями душа проявляется на рассвете романской эпохи и готики. Она наполняет фаустовские страны от Прованса трубадуров вплоть до Гильдесгейма епископа Бернварда. В ней — веяние весны. «В произведениях древнегерманской архитектуры, — говорит Гете, — мы наблюдаем расцвет необычайного состояния вещей. Кому внезапно предстанет этот расцвет, тот может только изумляться, но кто заглянул в тайную внутреннюю жизнь этого растения, в движение сил и то, как постепенно развивается цветок, тот смотрит на вещи другими глазами, тот знает, что он видит». Такое же детство говорит таким же образом и совершенно родственными звуками и в раннегомеровской дорике, в древне-

христианском искусстве и в произведениях египетского Древнего царства, начинающегося с IV династии. Тут борется мифическое мирознание со всем темным и демоническим в себе и природе, как бы с некоторой виной, чтобы постепенно созреть до чистого и ясного выражения в конце концов завоеванного и понятного существования. Чем более приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты. В раннем периоде все это еще темно, смутно, в искании, полно тоскливым стремлением и одновременно боязнью... Наконец, при наступлении старости, начинающейся цивилизации, огонь души угасает. Угасающие силы еще раз делают попытку, с половинным успехом — в классицизме, родственном всякой умирающей культуре — проявить себя в творчестве большого размаха; душа еще раз с грустью вспоминает в романтике о своем детстве. Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится — как в римскую эпоху — из тысячелетнего света обратно в потемки перводушевной мистики, назад в материнское лоно, в могилу. Вот в чем очарование, которым некогда привлекали к себе умирающий Рим культы Исиды, Сераписа, Гора и Митры, те самые культы, которые вызвала к жизни, как ранее, мечтательное и боязливое выражение своего существования, и наполнила новой искренностью только что пробуждающаяся к жизни новая душа на Востоке.

Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993. – С. 40, 52, 82, 87, 169—170, 173—174.

30. *Что А. Тойнби рассматривает в качестве единицы исторического исследования? Почему он считает неприменимой концепцию единой цивилизации?*

Ее (истории) подлинный предмет – жизнь общества... <...>

Общество, а не государство есть тот социальный "атом", на котором следует фокусировать свое внимание историку... <...>

Рассмотрев и идентифицировав двадцать одно общество одного вида, в числе которых находится и западное общество, предварительно классифицировав их на основании определенных критериев, перейдем наконец к исследованию собственно истории, а именно к сравнительному анализу процессов генезиса, роста, надлома и разложения; возникновения и падения универсальных государств, всемирных церквей, героических эпох; контактов между цивилизациями во времени и пространстве... <...>

Общества этого вида принято называть «цивилизациями»... Ответим на... возражения, что цивилизации, будучи однородными, по сути тождественны, и мы фактически имеем дело не с двадцатью одной цивилизацией, а только с одной единственной... Этот тезис в «единстве цивилизации» является ложной концепцией... <...>

Ложная концепция «единства истории» на базе западного общества имеет еще одну неверную посылку – представление о прямолинейности развития... Цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направления (движения)... <...>

Освальд Шпенглер утверждает, что цивилизацию можно сравнить с организмом, а значит, она проходит периоды детства, юности, зрелости и старости. Но мы уже

показали выше, что общества не являются организациями, с какой бы стороны их ни рассматривали...

Каждое общество – это представитель некоторого вида из рода обществ. Но род, к которому принадлежат люди, не является ни западным обществом, ни эллинским, ни каким-либо еще. Это род – НОМО... <...>

А теперь обратимся еще к одной гипотезе предопределения, согласно которой цивилизации следуют одна за другой по закону их природы, заданному космосом в бесконечно повторяющемся цикле чередований рождения и смерти... <...>

Разумеется, в движении человеческой истории легко обнаружить элемент повтора; он бросается в глаза. Однако челнок, снующий вперед и назад по основе времени, создает ткань, сквозь которую просматривается движение к концу, а не бесконечные уходы и возвраты... <...>Анализируя ритм, следует помнить, что мы должны различать движение части и целого... <...>Гармония двух движений – большого необходимого движения, которое рождается через малое, повторяющееся движение, – возможно, есть сущность того, что мы понимаем под ритмом...

Таким образом, наличие периодически повторяющихся движений в процессе роста цивилизаций ни в коей мере не предполагает, что сам процесс, включающий в себя эти движения, принадлежит тому же циклическому порядку, что и сами эти движения.

Тойнби А. Постигжение истории. – М., 1991. – С. 40, 41, 79– 81, 85, 87, 295, 297– 299.

31. Как вы относитесь к модели соотношения общества и личности, предложенной А. Тойнби?

Общество определяется через индивидов, которые принадлежат к этому обществу<...> Это – один из основ-

ных вопросов социологии, и на него существует два противоположных ответа. Первый состоит в том, что отдельное человеческое существо – это реальность, способная существовать и быть познаваемой сама по себе, а общество представляет собой не что иное, как сумму или совокупность атомарных автономных индивидов, взаимодействие которых и создает его. Второе мнение прямо противоположно. Согласно ему, реальность – это общество, а не индивид. Общество есть совершенное и умопостигаемое целое, тогда как индивид всего лишь часть этого целого, не способная ни существовать, ни быть понятой в отрыве от той социальной системы, в которую он помещен. Если проанализировать эти взаимоисключающие положения, то мы убедимся, что ни одно из них не выдерживает критики<...>

Какое же истинное отношение между обществом и личностью. По всей видимости, человеческое общество само по себе представляет собой отношение, вернее, особый вид отношений, между людьми как явлениями частными, индивидуальными, но в то же время и социальными в том смысле, что они не могут существовать вне общественных связей<...> Отметим, что общественные отношения между людьми простираются за границы возможной сферы личных контактов и что эти надличностные отношения поддерживаются с помощью специальных механизмов, именуемых социальными институтами. Без социальных институтов общество не могло бы существовать<...>

Источником социального действия не может быть общество, но им может быть отдельный индивид или группа индивидов, поля действий которых и составляет общество... Как пространство, само не совершая действий, является сферой действия электронов, атомов, частиц, так и общество не может играть активную созидательную роль в

человеческих делах<...> Личности, а не общество создают человеческую историю<...>

Итак, общество – это совокупность отношений между индивидами, и отношения эти, как мы установили, предполагают совпадение индивидуальных полей действия, а это совпадение говорит о наличии общей основы. Общая основа и есть то, что мы называем обществом.

*Тойнби А. Постигжение истории.
– М., 1991. – С. 250, 252, 254, 255.*

32. В чем Вы видите различие подхода к истории у О. Шпенглера и А. Тойнби, с одной стороны, и у К. Ясперса – с другой? Что, по-мнению Ясперса, является основой единства истории?

Историчность человека — это историчность многообразия. Однако это многообразие подчинено требованию некоего единого. Это — не исключительность притязания какой-либо одной историчности на то, чтобы быть единственной и господствовать над другими; это требование должно быть осознано в коммуникации различных типов историчности в качестве абсолютной историчности единого. Все то, что обладает ценностью и смыслом, как будто соотносится с единством человеческой истории. Как же следует представлять себе это единство?

Опыт как будто опровергает его наличие. Исторические явления необъятны в своей разбросанности. Существует множество народов, множество культур и в каждой из них, в свою очередь, бесконечное количество своеобразных исторических фактов. Человек расселился по всему земному шару, и повсюду, где представлялась какая-либо возможность, он создавал свой особый уклад жизни. Перед нашим взором возникает бесконечное разнообразие, явле-

ния которого возникают параллельно или последовательно сменяют друг друга.

Рассматривая человечество таким образом, мы описываем его и классифицируем, подобно явлениям растительного мира. Бесконечное разнообразие случайно создает род «человек», который обнаруживает определенные типические свойства и способен, как все живое, отклоняться от «стандарта» в пределах допустимых возможностей. Однако такое сближение человека с миром природы ведет к исчезновению собственно человеческой сущности.

Ибо при всем многообразии явления «человек» существенным является то, что люди значимы друг для друга. Повсюду, где они встречаются, они интересуются друг другом, испытывают друг к другу антипатию или симпатию, учатся друг у друга, обмениваются опытом. Встреча людей является чем-то вроде узнавания себя в другом и попытки опереться на самого себя в своем противостоянии другому, который признан как этот самый другой. В этой встрече человек узнает, что у него, каким бы он ни был в своей особенности, общее со всеми другими людьми в том единственном, чего у него, правда, нет и чего он не знает, что им, однако, незаметно руководит и на мгновения переполняет его и всех других энтузиазмом.

В таком аспекте явление «человек» во всей его исторической разновидности есть движение к единому; быть может, это — следствие общего происхождения, во всяком случае, это не является таким существованием, которое выражает всю глубину своей сущности в разбросанности некоего множества. <...>

У н и в е р с а л ь н о е. Единство человечества находит свое отчетливое выражение в том несомненном факте, что повсеместно на Земле обнаруживается близость религиозных представлений, форм мышления, орудий и форм общественной жизни. Сходство людей при всем их разли-

чий очень велико. Психологические и социологические данные таковы, что позволяют повсюду проводить сравнение и установить множество закономерностей, свидетельствующих о характере основных структур человеческой природы в ее психологическом и социологическом аспекте. Однако именно при выявлении общего отчетливо предстают отклонения, что может объясняться как специфической природой человека, так и историческими ситуациями и событиями. Если обратить взор на универсальное, обнаружится совпадение в существенном, особенности же обретут локальный характер, связанный с определенным местом и определенной целью.

Однако это универсальное не составляет действительного единства человечества. Напротив. Если же обратиться взор на глубину открывающейся истины, тогда то, что составляет величие истории, обнаружится именно в особенном, а универсальное предстанет как всеобщее, остающееся внеисторическим и неизменным, как поток, который несет в своих водах действительное и правильное.

Если общность отдаленнейших культур основана на том, что в них находят свое выражение основные свойства человеческой природы, то поразительно и чрезвычайно важно, что там, где мы предполагаем найти только универсальное, всегда обнаруживается и отклонение, что где-то всегда не хватает чего-то, обычно свойственного людям, что универсальное, как таковое, всегда абстрактно, однообразно по своему характеру.

То, что в масштабе универсального составляет просто случайную особенность, может как раз и быть воплощением подлинной историчности. Основой человечества может быть только соотношение в истории того, что в своей сущности составляет не отклонение, а позитивное изначальное содержание, не случайность в рамках всеобщего, а звено единой всеохватывающей историчности человечества.

П р о г р е с с. В сфере знания и технических умений путь ведет вперед, шаг за шагом, и приобретенное может быть в том же виде передано дальше, становится всеобщим достоянием. Тем самым через историю отдельных культур и всех народов прочерчена единая линия растущего приобретения, ограниченного, правда, безличным общезначимым знанием и умением; присущим сознанию как таковому.

В этой области мировая история может быть понята как развитие по восходящей линии, хотя и содержащее отступления и остановки, но в целом связанное с постоянным ростом достижений, в которые вносят свою лепту все люди, все народы, которые по самой своей сущности доступны всем людям и действительно становятся достоянием всех. В истории мы обнаруживаем ступени этого продвижения, которое в настоящее время достигло своей высшей точки. Однако это лишь одна линия целого. Сама человеческая природа, это с человека, доброта и мудрость не подвержены такому развитию. Искусство и литература понятны всем, но отнюдь не всем присущи, они возникают у определенных народов в определенные исторические периоды и достигают неповторимой, непревзойденной высоты. Поэтому прогресс может быть в знании, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в субстанции человека, не в его природе, возможность прогресса в сфере субстанциального опровергается фактами. Высокоразвитые народы погибали под натиском народов, значительно уступавших им в развитии, культура разрушалась варварами. Физическое уничтожение людей выдающихся, задыхающихся под давлением реальностей массы,— явление, наиболее часто встречающееся в истории. Быстрый рост усредненности, неразмышляющего населения, даже без борьбы, самым фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие. Бесперывно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях,

когда хитрость и brutality служат залогом значительных преимуществ. Невольно хочется сказать: все великое гибнет, все незначительное продолжает жить.

Однако в противовес таким обобщениям можно указать на то, что великое возвращается, что великому вторит эхо, даже если оно молчало целые века и более. Но как преисполнено сомнения, как недостоверно это ожидание!

Прогресс действительно приводит к единству в области знания, но не к единству человечества. Единство общезначимой и повсюду, где она открывается, одинаковой истины в ее бесконечном прогрессе так, как она предстает только в науке и технике, и сама эта повсюду распространяемая и общедоступная, апеллирующая только к рассудку истина не образуют единства человечества. Такой прогресс ведет к единству в области рассудка. Он объединяет людей в сфере рассудочного мышления таким образом, что они могут вести рациональную дискуссию, но могут и уничтожить друг друга одинаковым оружием, созданным их техникой. Ибо рассудок объединяет только сознание как таковое, а не людей. Он не создает ни подлинной коммуникации, ни солидарности.

Единство в пространстве и во времени. Единство людей возникает на основе общей природной основы (единства планеты) и общности во времени.

В ходе истории растет — , правда, неравномерно — общение. Многообразие того, что дано природой, множественность народов и стран долгое время существовали параллельно, не зная друг о друге. Общение связывает людей, способствует тому, что племена объединяются в народы, народы в группы народов, страны в континенты, а затем вновь распадаются: люди, принадлежащие к различным народам, встречаются и вновь забывают друг о друге. Все это будет продолжаться до тех пор, пока не наступит время сознательной фактической взаимосвязи всех со все-

ми и общение — в реальном его свершении или прерывающееся в ходе борьбы — не станет непрерывным. Тогда начнется история человечества, которую можно определить как взаимный обмен в единстве общения.

Такого рода общение означает, что люди все время сближаются, что в процессе единения планеты создается единство в сознании, а потом и в деятельности людей.

В древней истории нет единства культурного развития, центр которого находился бы в каком-либо одном месте земного шара. Повсюду, куда проникает наш взор, мы видим разбросанность людей, многочисленные попытки к единению и склонность к нему, возникающую вследствие соприкосновения людей и культур; мы видим развитие, совершающееся в результате наслоения различных культур в ходе завоеваний, нивелирующее, поразительное по своим следствиям смешение народов. События всегда историчны вследствие общения, которое там присутствует, в них ощущается стремление к единству, а не возникновение из изначально данного единства.<...>

Однако если мы не хотим, чтобы история распалась для нас на ряд случайностей, на бесцельное появление и исчезновение, на множество ложных путей, которые никуда не ведут, то от идеи единства в истории отказаться нельзя. Вопрос заключается в том, как постигнуть это единство<...>.

Для объяснения единства мы, со своей стороны, предложили схему мировой истории, которая, как нам кажется, в наши дни наиболее соответствует требованиям открытости, единства и эмпирической реальности. В нашем изображении мировой истории мы пытались обрести историческое единство посредством общего для всего человечества осевого периода.

Под осью мы понимаем не сокровенные глубины, вокруг которых постоянно вращаются явления, располо-

женные на поверхности, не то, что, будучи само вневременным, объемлет все времена, скрытые облаками настоящего.

Напротив, осью мы назвали эпоху примерно середины последнего тысячелетия до н.э., для которой все предшествующее было как бы подготовкой и с которой фактически, а часто и вполне сознательно соотносится все последующее. Мировая история человечества обрела здесь свою структуру. Эту ось мы не можем считать единственной и раз навсегда данной, но это — ось всей предшествующей нашему времени краткой истории мира, то, что в сознании всех людей могло бы являть собой основу их единодушно признанного исторического единства. В этом случае реальное осевое время — воплощение той идеальной оси, вокруг которой движется объединенное человечество.

Ясперс К. Смысл и назначение истории // Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 194 – 195, 196, 197, 198, 199, 204, 206, 207.

33. Каково значение понятия «осевое время» в философско-исторической концепции К. Ясперса.

Возникновение оси мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек нового типа, каким он пребывает по сей день. Это время мы вкратце назовем «осевым временем». В это время происходит много необычайного. В Китае тогда жили Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, создавали свои учения Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других мыслителей. В Индии возникли Упанишады, жил Будда, в фило-

софии (в Индии, как и в Китае) были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции — это время Гомера, таких философов, как Парменид, Гераклит, Платон, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах новое начало сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, определяющих по сей день жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности.

Мифологической эпохе с ее спокойной уверенностью пришел конец. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс, свое значение в качестве некоего фона, — и мог впоследствии вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

«Осевое время» означает исчезновение «великих культур» древности, существовавших тысячелетиями, оно растворяет их, вбирает в себя, обрекает на гибель. Все то, что существовало до «осевого времени», даже если оно было величественным, подобно вавилонской, египетской,

индийской или китайской культурам, воспринимается как нечто дремлющее, непробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в «осевое время», восприняты новым началом.

Вплоть до сего дня человечество живет тем, что свершилось тогда и что было создано в то время. «Осевое время» ассимилирует все предшествующее. Если отправиться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные выстоять вопреки времени и, во всяком случае, устоявшие до сего дня.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 2.

34. В чем суть точки зрения П. Сорокина по поводу теории факторов социального развития?

Одни выдвигают в качестве решающего фактора географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности — горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужолль, Маттеуци и др.); другие — чисто этнические условия, главным образом борьбу рас (Гумплович, Гобино, Аммон и др.); третьи — чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные — экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, — интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах — в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в форме мировоззрения и религиозных верований (О. Конт, Б. Кидд), в форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и

всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные — разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д. Как видно из сказанного, число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонне и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории.<...>

Изучая сущность социального явления как явления, представляющего своеобразный вид мирового бытия, наряду с физико-химическими и биологическими видами, мы приходим к выводу, что эта сущность есть мир понятий, отвлеченных концептов, в сумме составляющих то, что называется человеческим знанием или наукой. В процессе взаимодействия группы индивидов происходит взаимный обмен, который углубляет, расширяет и дополняет индивидуальный опыт; образует постоянный поток психического взаимодействия — обмен ощущений, восприятий, представлений и т. д., из которого и получается в конце концов мир понятий.

Значит, человеческое общество, вся культура и вся цивилизация в конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах<...>

Что же касается, наконец, всей техники, всей практики индивида ли или данной общественной группы: поведения, нравственности, права, форм общественной и политической организации, «сил и орудий» производства и т. д., — все это обусловлено миром понятий и представляет ту или иную его трансформацию. Это положение, несмотря на противоположное утверждение марксизма, может быть подтверждено всей историей политических организаций, техники, нравст-

венности и права и ежедневным опытом каждого. Машины, прежде чем принять «материальное» бытие, должны уже иметь «логически-психическое» существование в мысли ее изобретателя, а не наоборот. Это ясно. То же относится и ко всей технике, и ко всем «орудиям» производства. Все это, по остроумному выражению Гарда, есть «застывшая мысль». Фабрики и заводы, паровые и электрические двигатели, та или иная форма жилища, характер или состав пищи, форма одежды и вообще весь материальный быт в конце концов являются застывшей мыслью современной ли или же предыдущих эпох.<...>

После сказанного ответ на поставленный вопрос чрезвычайно прост. Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой) или, что то же, представляют модификацию этого фактора. Все социальные отношения, в конце концов, обуславливаются мыслью. Это, в частности, подтверждается «законом запаздывания» Де-Роберти, состоящим в том, что наше знание опережает миропонимание, миропонимание — искусство и все, вместе взятые, — практику, быт.

Очевидно, что если бы мысль не была первичным фактором или же была бы следствием другого социального фактора, то подобного «опереживания» ею других форм социальности не могло бы быть; и обратно, то, что во временной последовательности наступает более поздно, то, очевидно, не может быть причиной события, наступающего раньше его. Так как изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и в убеждениях и без этого предварительного психиче-

ского изменения оно не может наступить, то, очевидно, что эта материальная революция не может быть причиной психической, а может быть только ее следствием: оно только как бы символ, выражающий это психическое изменение.

Таким образом, прав был Конт, когда говорил, что «идеи управляют (социальным) миром», ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, созидующее царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии. Отсюда практические выводы: больше знаний! больше науки! больше понятий! — остальное все приложится!

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 522, 528, 529, 531.

35. Назовите основные этапы исторического процесса в концепции Э. Тоффлера. Какой фактор общественного развития является определяющим, по его мнению?

Имя Элвина Тоффлера — американского футуролога, публициста, общественного деятеля — прочно ассоциируется в сознании читателя с «футурошоком». Опубликованная впервые 12 лет назад книга Тоффлера под этим названием стала бестселлером, а придуманный им термин «футурошок» (шок, порождаемый столкновением человека с будущим, т. е. резким изменением условий его существования) вошел в словари. И вот перед нами новая книга Элвина Тоффлера — «Третья волна». О чем она?

«На протяжении всех последних лет, пока я работал над «Третьей волной», — пишет Тоффлер, — мне постоянно задавали вопрос, в чем отличие нынешней книги от «футурошока»... На мой взгляд, «Третья волна» радикально отличается от него как по форме, так и по основной своей направленности. Начать с того, что она охватывает значительно больший период времени — не только будущее, но и прошлое... Она

иначе построена... Более того, в своей предыдущей книге... я не предпринимал попыток дать всеохватывающий систематический набросок возникающего общества будущего. Основное внимание было там сосредоточено на процессе изменений, а не на их направленности. В этой же книге линзы повернуты в обратную сторону» (с. 19—20).

Итак, первая и основная задача, которую ставит перед собой Тоффлер,— это дать «крупномасштабный синтез», «подробную всеохватывающую картину новой цивилизации, рождающейся среди нас» (с. 18). Но для этого, утверждает он, надо взглянуть новыми глазами на существующее общество и даже обратиться к более ранним стадиям истории развития человечества.

Вся история общественного развития предстает в «Третьей волне» в виде ряда сменяющих друг друга, накатывающихся одна на другую, схлестывающихся между собой «волн» цивилизации. А все проблемы и противоречия, все крупные драмы, когда-либо разыгрывавшиеся на исторической арене, — как результат сшибки этих «волн».

Сначала была «первая волна», которую он называет «сельскохозяйственной цивилизацией». Она, утверждает Тоффлер, возникла где-то около восьми — десяти тысяч лет назад и оставалась господствующей примерно до 1650—1750 гг. «От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима возникали и приходили в упадок цивилизации, сталкиваясь друг с другом и рождая бесчисленные пестрые картины. Однако за этими различиями скрывались фундаментальные общие черты. Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики. Везде господствовало простое разделение труда и существовало несколько четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, илоты, рабы или крепостные. Везде власть была жестко авторитарной. Везде социальное происхождение человека определяло его ме-

сто в жизни. Везде экономика была децентрализованной, так что каждая община производила большую часть того, в чем испытывала нужду» (с. 37—38).

Еще в XIX в., продолжает Тоффлер, «сельскохозяйственная цивилизация» выглядела достаточно прочной, и могло даже показаться, что она и дальше будет определять облик мира. Но случилось иначе. «Триста лет назад — плюс-минус полстолетия — произошел взрыв, ударные волны от которого обошли всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была, конечно, промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространившаяся по миру, — «вторая волна» — пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов» (с. 137). Гибнущая «сельскохозяйственная цивилизация» еще долго оказывала сопротивление формирующейся «индустриальной цивилизации». Все военные и политические баталии, все революции и контрреволюции XVIII—XX вв., утверждает американский футуролог, были в конечном счете порождением этой борьбы.

Но к середине XX в. силы «первой волны» были разбиты и на земле воцарилась «индустриальная цивилизация». Однако всевластие ее было недолгим, ибо чуть ли не одновременно с ее победой на мир начала накатываться новая — третья по счету — «волна», несущая с собой новые институты, отношения, ценности. Тоффлер не дает названия новой цивилизации ¹, но через всю книгу проводит мысль о ее принципиально новом характере. «Многое в этой возникающей цивилизации противоречит старой традиционной индустриальной цивилизации. Это в одно и то же время и в высшей степени технически развитая, и антииндустриальная цивилизация. «Третья волна» несет с собой подлинно новый образ жизни, основанный на диверсифицированных, возобновляемых источниках энергии; на методах производства,

которые делают устаревшими большинство фабричных сборочных линий; на какой-то новой («ненуклеарной») семье; на новом институте, который мог бы быть назван «электронным коттеджем»; на радикально преобразованных школах и корпорациях будущего. Формирующаяся цивилизация несет с собой новый кодекс поведения и выводит нас за пределы концентрации энергии, денежных средств и власти» (с.27).

Toffler Alvin. The Third Wave. – N. Y: William Morrow and Co., 1980. Реферативное изложение книги Э. Тоффлера «Третья волна» выполнено Э.Я. Баталовым. // США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7 – 11.

36. *Дайте характеристику информационной эпохи, используя фрагмент работы английского ученого У. Дайзарда.*

Арнольд Тойнби как-то заметил, что XX век – это время, когда человечество впервые за всю свою историю может подумать о благосостоянии всех людей. Если это так, то это в основном благодаря событиям и явлениям, описанным в настоящей книге, — эволюции универсальной электронной информационной сети, способной связать воедино всех людей. Речь идет о наступлении информационного века.

США — первая страна, осуществившая трехстадиальный переход от аграрного общества к индустриальному и от него к такому обществу, которое даже трудно как-то однозначно определить; ясна лишь одна его характеристика из целого веера возможностей: основным видом его экономической деятельности во всевозрастающей степени становится производство, хранение и распространение информации.

Стремление выразить сущность нового информационного века вылилось в целый калейдоскоп определений.

Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф — посткапиталистическом, А. Этциони — постмодернистском, К. Боулдинг — постцивилизационном, Г. Кан — постэкономическом, С. Алстром — постпротестантском, Р. Сейденберг — постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество». Большинство этих эпитетов восходят к понятию «постиндустриальное общество», популяризированному десятилетие тому назад гарвардским социологом Д. Беллом. Общая приставка этих терминов отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, — ощущением конца. Действительно, ни Белл, ни другие футурологи не смогли дать сколько-нибудь убедительной картины будущего — по причине то ли интеллектуальной скромности, то ли просто из-за невозможности остановиться на какой-либо одной из множества возможных перспектив. Тем не менее каждый из перечисленных теоретиков придавал большое значение перспективам, исследуемым в настоящей книге, — эволюции все более сложной информационной и коммуникационной среды. Д. Белл, в частности, ставит информационный фактор в центр своей концепции постиндустриального общества. Он усматривает тектонический сдвиг в экономике от производства товаров к производству услуг — при этом, что научно-технические кадры вытесняют предпринимателей в качестве доминирующего социального класса, движущей силой нововведений и политики становится знание, а ключом к будущему — технология.

Каков возможный сценарий развития информационного общества в предстоящие годы?

...Налицо некая общая модель изменений — трехстадийное прогрессирующее движение: становление основных экономических отраслей по производству и распределению информации; расширение номенклатуры информа-

ционных услуг для других отраслей промышленности и для правительства; создание широкой сети информационных средств на потребительском уровне.

Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 343 – 344, 345.

37. В чем сущность постиндустриальной экономики, с точки зрения американского исследователя Т. Стоуньера?

«Следует заметить, что ни одна большая страна никогда не обходилась и не могла обойтись без того, чтобы в ней чего-либо не производилось», — писал А. Смит. Это утверждение сегодня столь же справедливо, как и два века тому назад. Однако некоторые важные акценты сместились. Точно так же как во времена Смита центр тяжести экономики стал смещаться от сельского хозяйства к промышленности, так и сегодня он смещается от промышленности к информации. И подобно тому, как в конце XVIII – начале XIX века сложилась постаграрная экономика, так сегодня технологически передовые секторы глобального общества переходят на стадию постиндустриальной экономики. В аграрной экономике хозяйственная деятельность была связана преимущественно с производством достаточного количества продуктов питания, а лимитирующим фактором обычно была доступность хорошей земли. В индустриальной экономике хозяйственная деятельность была по преимуществу производством товаров, а лимитирующим фактором — чаще всего капитал. В информационной экономике хозяйственная деятельность — это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства.

ва. Лимитирующий фактор здесь – наличное знание. «Человека, получившего образование путем упорного труда, можно уподобить дорогостоящим машинам», – так писал Адам Смит два столетия тому назад. Чтобы убедиться в его правоте, рассмотрим следующий пример. В конце 40-х годов нашего века половина кораблей в мире строилась на английских судостроительных верфях, а в конце 60-х годов — уже на японских. Столь разительно быстрая перемена объясняется превосходством японской системы образования над английской. Среди английских менеджеров судостроительной промышленности крайне невелик процент людей с высшим образованием; в массе своей они занимают свои должности благодаря практическому опыту. А английские рабочие вообще имеют лишь минимальную общепрофессиональную подготовку. В противоположность этому у японцев прекрасно подготовленная и квалифицированная рабочая сила. Редкий менеджер здесь не имеет высшего образования, а у большинства из них ученые степени по инженерному делу. Вопрос: с появлением новой, более сложной технологии кто скорее всего мог освоить новые конструкторские идеи и овладеть техникой – английский или японский менеджер? Стоит ли удивляться тому, что японцы очень быстро вышли на передовые технические рубежи? Их корабли имеют меньшую себестоимость, они лучшего качества и поставляются заказчикам точно в срок. Что касается британских судостроителей, то в 70-х годах они ежегодно теряли десятки миллионов фунтов стерлингов и выжили лишь за счет налогоплательщиков. Другой пример — фермерство в развивающихся странах. Как установлено в одном из исследований, здесь фермеры, имеющие 4 класса начального образования, производят продукции на 13 % больше, нежели не имеющие образования вообще.

Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 397.

38. Какова, с точки зрения Д.Белла, роль науки в постиндустриальном обществе?

...Осевым принципом постиндустриального общества является громадное социальное значение теоретического знания и его новая роль в качестве направляющей силы социального изменения. Каждое общество функционировало на основе знания, но только во второй половине XX века произошло слияние науки и инженерии, изменившее самую сущность технологии. Промышленные отрасли, пока что доминирующие в обществе, — сталелитейная, моторостроение, электротехническая, телефонная, авиастроительная — представляют собой «промышленность XIX века» (хотя литье стали было освоено в XVIII веке, а авиация — в XX веке) в том отношении, что все они были созданы «талантливыми жестянщиками», которые работали независимо от какой бы то ни было науки и в полном ее неведении. Александр Белл — изобретатель телефона — был преподавателем ораторского искусства, принцип телефона он открыл в поисках средства, которое помогало бы лучше слышать людям с плохим слухом. Бессемер, разработавший доменный процесс для усовершенствования литья пушек, не знал научных работ Генри Сорби по металлургическим процессам. А Томас Альва Эдисон, по-видимому, наиболее изобретательный и талантливый из этих «жестянщиков» (среди прочего он изобрел электрическую лампу, фонограф, «движущиеся картинки»), был совершенно несведущ в математике и не имел ни малейшего представления о теоретических уравнениях Кларка — Максвелла по электромагнитным свойствам вещества.

Изобретательство в XIX веке было сугубо эмпирическим процессом проб и ошибок, время от времени озаряемым блистательными прозрениями. Сущность же совре-

менной развитой технологии — в ее органически тесных отношениях с наукой; здесь исследователь заинтересован не столько в конечном продукте своей работы, сколько в познании разнообразных свойств материалов и основных принципов их комбинаций, сочетаний и замещений. Как отмечает выдающийся металлург С. Смит, в наше время материалы стали рассматриваться в сравнении, с точки зрения их свойств, необходимых для того или иного применения. Каждая новая технологическая разработка — радар, ядерный реактор, реактивный двигатель, компьютер, спутник связи — по-своему разрушала прежнюю модель, в которой каждый данный материал был жестко связан с каждым данным видом продукта. Так возникла современная инженерия.

Сущность этого изменения как в технологии, так и в науке связана с расширением «поля отношений» теории и сферы ее применения, вследствие чего становится возможным систематическая синергия в открытиях и разработках новых продуктов и теорий. Наука в своих основаниях — это набор аксиом, топологически связанных в унифицированную схему. Но, как заметил Бронковский, «новая теория изменяет систему аксиом и устанавливает новые связи на стыках, что изменяет топологию. Когда две науки объединяются в одну, новая сеть оказывается более богатой и четкой, чем простая сумма двух частей».

По мере того как современная наука, как, впрочем, и почти все остальные виды человеческой деятельности, движется по пути все большей специализации, дабы детализировать свои концепции, наиболее важным результатом ее связей с технологией становится интеграция различных областей или наблюдений в единую теоретическую систему, имеющую все большую продуктивность.

Поскольку технология есть инструментальный способ рационального действия, я назвал эти новые разработ-

ки «интеллектуальной технологией», так как все они дают возможность поставить на место интуитивных суждений алгоритмы, то есть четкие правила принятия решений. Эти алгоритмы могут быть материализованы в автоматической машине, выражены в компьютерной программе или наборе инструкций, основанных на какой-либо статистической или математической формуле, представляющей собой способ формализации суждений и их стандартного применения во многих различных ситуациях. Поскольку интеллектуальная технология становится основным инструментом управления организациями и предприятиями, можно сказать, что она приобретает столь же важное значение для постиндустриального общества, какое для общества индустриального имела машинная технология.

Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330 – 331, 332.

39. Каким представляет Э. Тоффлер будущее труда?

В отраслях «третьей волны» речь идет по преимуществу об участии рабочих в принятии решений; об увеличении производства и обогащении вместо увеличения дробности; о подвижном во временном отношении графике работы вместо жесткого; о таких сопутствующих преимуществах, когда рабочему дают возможность выбора, а не ставят его перед свершившимся фактом; о том, как поощрять творчество, а не требовать слепого послушания.

По отношению ко многим компаниям «третьей волны» верно прямо противоположное. Грубость в процессе работы уже более не является прибыльной — она непроизводительна. Компании «третьей волны» не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. Они достигают своей цели не тем, что делают труд

более тяжелым, а тем, что работают более умело. Потогонная система уже не оправдывает себя...

Драматизируя различия, мы должны сказать, что в старом массовом промышленном производстве главным были мускулы. В развитых разукрупненных отраслях главными являются информация и творчество. И это изменяет все.

Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 253 – 254.

40. Какая опасность, по мнению М. Хайдеггера, грозит человечеству? Разделяете ли Вы опасения философа?

Есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: вычисляющее мышление и осмысливающее раздумье<...>

Американский химик Стенли сказал: «Близок час, когда жизнь окажется в руках химика, который сможет синтезировать, расщеплять и изменять по своему желанию субстанции жизни». Мы приняли к сведению это утверждение, мы даже восхищаемся дерзостью научного поиска, при этом, не думая. Мы не останавливаемся, чтобы подумать, что здесь с помощью технических средств готовится наступление на жизнь и сущность человека, с которым не сравнится даже взрыв водородной бомбы. Так как даже если водородная бомба и не взорвется и жизнь людей на земле сохранится, все равно зловещее изменение мира неизбежно надвигается вместе с атомным веком.

Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению

мира, что мы еще не способны встретить осмысляюще мысля то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома<...>

Наступающий атомный век грозит нам еще большей опасностью, как раз в том случае, если опасность третьей мировой войны будет устранена. Странное утверждение, не так ли? Разумеется, странное, но только до тех пор, пока мы не мыслим.

В каком смысле верно это утверждение. А в том, что подкатывающаяся техническая революция атомного века сможет захватить, околдовать, ослепить и обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление окажется единственным действительным и практическим способом мышления.

Тогда какая же великая опасность надвигается тогда на нас? Равнодушие к размышлению и полная бездумность, полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства. А что же тогда? Тогда человек отречется и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо. Итак, дело в том, чтобы спасти эту сущность человека. Итак, дело в том, чтобы поддерживать размышление.

Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 104, 108, 110, 111.

41. В чем видит Фукуяма смысл «конца истории»?

То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не

означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров «Форин Аффера» по международным отношениям будут пустовать,— ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит *в конечном счете* мир материальный.

...Представление о конце истории нельзя признать оригинальным. Наиболее известный его пропагандист — это Карл Маркс, полагавший, что историческое развитие, определяемое взаимодействием материальных сил, имеет целенаправленный характер и закончится, лишь достигнув коммунистической утопии, которая и разрешит все противоречия. Впрочем, эта концепция истории — как диалектического процесса с началом, серединой и концом — была позаимствована Марксом у его великого немецкого предшественника, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Плохо ли, хорошо ли это, но многое из гегелевского историцизма вошло в сегодняшний интеллектуальный багаж. Скажем, представление о том, что сознание человечества прошло ряд этапов, соответствовавших конкретным формам социальной организации, таким, как родоплеменная, рабовладельческая, теократическая и, наконец, демократически-эгалитарная. Гегель первым из философов стал говорить на языке современной социальной науки; для него человек — продукт конкретной исторической и социальной среды, а не совокупность тех или иных «естественных» атрибутов, как это было для теоретиков «естественного права». И это именно гегелевская идея — а не собственно марксистская — овладеть естественной средой и преобразовать ее с помощью науки и техники. В отличие от позднейших историков... Гегель полагал, что в некий абсолютный момент история достигает кульминации — именно в момент, когда побеждает окончательная, разумная форма общества и государства.

...Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134—135; 155.

МАКСИМОВА ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА

Общество:

Социально-философский анализ

Учебно-методическое пособие

Редактор Н.С. Работаева

Лицензия ИД № 05285 от 4 июля 2001 г.

Подписано в печать . Формат 60x84^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10, 46. Уч. изд. л. 11,5.

Тираж 250 экз. Заказ .

ГОУ ВПО «Ивановский государственный энергетиче-
ский университет имени В.И. Ленина».

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПреСто»

153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39.